

Еврейские анзаки

Елена Говор

Часть 1. Истоки

Каждый год 25 апреля Австралия отмечает один из самых священных для австралийцев праздников – День Анзака. Это день не победы, а поражения. В этот день в 1915 г. части австрало-новозеландского армейского корпуса (ANZAC), вместе с другими войсками союзников, высадились под шквальным огнем турецкой армии на гористые берега полуострова Галлиполи у пролива Дарданеллы. По плану британских военных стратегов это должно было позволить не только захватить Дарданеллы, но и оттянуть турецкие войска с кавказского фронта и, таким образом, помочь одному из их главных союзников – России. Генералы мало считались с жизнями простых солдат, тысячи которых погибли при высадке и во время последующих кровопролитных боев. По существу это было поражение союзников, но в самосознании австралийцев Галлиполи заняло особое место. Отсюда они ведут отсчет подлинного создания своей нации, ее единства, стойкости и братства. Это своего рода австралийское Бородино, колыбель австралийского духа.

По мере того как австралийская нация взрослеет, ее отношение к прошлому становится глубже и многомернее. Теперь австралийцы делят этот праздник со своими бывшими врагами – турками. История легендарных анзаков наполняется новым содержанием. Но один компонент ее до недавнего времени оставался непоколебимым – само собой разумелось, что Австралия в то время была почти исключительно англо-саксонской нацией, таковой же была ее армия. И вот, просмотрев тысячи архивных дел, со статистикой в руках мне удалось доказать, что россияне на протяжении всей войны тоже были частью "легенды анзаков", причем в Австралийской армии бывшие русские подданные составляли самую большую национальную группу не англо-кельтского происхождения – около тысячи человек. Кроме этнических русских, в их число входили представители многих других народов, живших на территории Российской Империи, в том числе и евреи – уроженцы России, Украины, Прибалтики и Польши. О вкладе наших евреев-анзаков в австралийскую победу и – шире – в австралийскую историю я и хочу рассказать в цикле своих очерков.

В XIX веке среди российских иммигрантов, добравшихся до берегов Австралии, евреи были самой многочисленной группой, составлявшей около двух третей всех россиян. За ними следовали финны, поляки и прибалты; доля других славянских народов в то время составляла всего несколько процентов. Евреи из России были и среди австралийских ссыльных, и среди золотоискателей, когда Австралию охватила золотая лихорадка; во второй половине XIX века их число стремительно возрастало. Их дети и внуки, родившиеся в Австралии, и иногда все еще носившие русифицированные фамилии, например Морис Козминский, доблестно сражались в рядах Австралийской армии, но я ограничила свое исследование только судьбами евреев-анзаков, родившихся в России и эмигрировавших в Австралию. Мне удалось разыскать 130 таких евреев-добровольцев, имена тринадцати из них увековечены на стенах военного мемориала в Канберре, в большинстве своем это павшие на поле боя.

«Вы еврейка?»

Этот вопрос, иногда – высказанный, иногда – нет, я обычно слышала, расспрашивая детей и внуков евреев-анзаков о том, почему их родители или деды покинули Россию. И я понимала их – даже теперь, почти столетие спустя, им все еще больно говорить с посторонним о том страхе и унижении, которые выпали на долю их родных. Но часто они, даже если и хотели бы, не могли рассказать почти ничего. Как сказал племянник Юра Кивовича, анзака-одессита, «отец не говорил о прошлом, в нем было мало приятного. Он хотел оставить прошлое в прошлом». Разрозненные факты в их рассказах приобретают мифическую окраску, но главные элементы этого мифа – страх и побег от опасности – присутствует почти всегда. Например Лиа, дочь русского анзака Джека Канаева и еврейки Цили Лаковской (два брата Цили, Эдуард и Давид Лаковские тоже были анзаками), полагает, что ее дедушка и бабушка, евреи, приехавшие в Австралию около 1900 года, бежали сюда от большевиков. Хотя исторические детали и смешались, но бегство и столетие спустя все еще живет в памяти. Ее кузина Дороти Лазарус помнит, впрочем, более правдоподобную историю о том, как их дед покинул Одессу. «Туда, – рассказывает она, – они переселились из Екатеринослава, потому что в Одессе легче было получить образование и обучать детей музыке. Когда дедушке был всего 21 год, он построил гостиницу в Одессе, и у него было 250 работников... Дедушка говорил по-русски и на идиш. Моей маме было только 14 лет, когда они сюда приехали, у нее сохранились чудесные воспоминания о России, потому что они были богатыми и очень хорошо там жили. Но когда произошла революция 1905 года, все изменилось. Когда дедушка увидел, как жестоко расправились с восставшими солдатами и матросами в Одессе, он сказал своей семье: “Если они так поступили со своими, то что они сделают с евреями? Отсюда надо выбираться” И мой дедушка оплатил проезд целой куче родственников и они все приехали в Австралию, в Перт».

Страх звучит в словах Моисея Коттона (Котона) из Кременчуга на Украине, приехавшего в Австралию через Дальний Восток, откуда незадолго до войны хлынула волна русских эмигрантов. В заявлении на натурализацию он писал: «Приехав в Австралию, я жил под именем Макса Коттона. Я сделал это из-за страха быть высланным обратно в Россию. Я не совершил никакого преступления, кроме того, что я покинул эту страну, а это уже преступление само по себе, по российскому закону». Как это напоминает нам недавнее советское прошлое! Макс Котон никогда не вернулся в Россию, он пал на поле боя за несколько недель до окончания первой мировой войны, под Сент-Квентином во Франции, став австралийцем.

Одессит Луис Бродский покинул Россию из-за безысходной нищеты. Его сын, Александр, видел своих дедушку и бабушку только на фотографиях, сохранившихся у отца. И ему, австралийскому мальчику, представлялось, что плечи их сгибает «вечный страх погромов». Луис, впрочем, бежал из дома и потому, что был бродягой по натуре, как считает его сын. Он выбрал путь уже проторенный другими – на борт корабля в одесской гавани. Но тяжелая жизнь моряка сделала его борцом за равенство и свободу, именно этот боевой дух, а не еврейские традиции он передаст своим сыновьям в Австралии.

Пути-дороги

В начале XX века среди россиян, оказавшихся в Австралии, преобладали одинокие молодые мужчины, приезжавшие в Австралию на заработки (это особенно характерно было для славян) или бродяги-моряки (прибалты и финны). В отличие от них евреи ехали сюда навсегда, многие приезжали с семьями или обзаводились ими

здесь, обычно они натурализовывались, прожив в Австралии два года, необходимых для этого. (Отмечу, что я использую написание имен и фамилий в той форме, в какой они появляются в австралийских официальных документах.)

Вместе с тем еврей-анзаки отнюдь не составляли однородную группу. Не менее трети из них прибывали в Австралию непосредственно из России и Польши, через Одессу – Порт-Саид или европейские порты. Эта группа более всего сохраняла традиционную еврейскую культуру. Особенно сильна она была у тех, кто, прежде чем попасть в Австралию, попытал счастья в Палестине. Некоторые из них жили в Палестине с детства, например одесситы Макс Перлман, Израиль Фельдман, Лион Харлап; через Палестину попала в Австралию и семья Юра Кивовича. Петр Комисаров приехал в Австралию в 14 лет вместе со своими родственниками из еврейской земледельческой колонии Графская под Бердянском. Его земляк и родственник Вульф Жмуд родился в соседней земледельческой колонии Андреевка. Натан Краусман приехал из Бессарабии, семьи Лебович, Раппепорт и Лаковские – из южнорусских губерний.

Самую русифицированную группу среди анзаков составляли евреи, родившиеся в Сибири, за пределами черты оседлости, например, трое уроженцев Томска – Вильям Заводчиков, Михаил Немировский и Ион Рошковский. Русифицирующий эффект на евреев оказывала и служба в армии. Как и русские крестьяне они дезертировали из армии или после службы не возвращались в родные места, оставаясь на Дальнем Востоке, а затем, с волной русских переселенцев, попадали в Квинсленд. Так оказались в Австралии Вольф Дорфман и Аарон Лемиш с Волыни и Александр Санк из Александровска под Екатеринослаом. К этой же группе обрусевших евреев можно отнести и несколько человек, получивших хорошее образование и вовлеченных в политическую борьбу. Таким был Юлиан Орлов, личность загадочная. Он служил в Сионском корпусе погонщиков мулов, помогавшем анзакам на Галлиполи. В 1916 г. он вступил в Австралийскую армию под именем Юлиан Давид Вейнберг, а затем сообщил, что его подлинное имя – Юлиан Орлов. Любопытно, что в армии во время первой мировой войны он числился православным, а во время второй – католиком. Местом рождения при вступлении в армию он указал Лодзь, но потом сообщил австралийским властям, что происходит из семьи крупных текстильных предпринимателей, родился в Москве и получил образование в Московском университете. Объясняя, почему он вступил в армию под именем Вейнберг, он пояснял, что «опасался, что русский консул вышлет его в Россию по политическим причинам».

Одним из главных факторов русификации молодого поколения (в Польше происходил аналогичный процесс полонизации) было обучение в русской школе. Например Лазарь Маркович Марголин (в австралийских документах его имя – Елиазар), ставший самым высокопоставленным военным служащим в австралийской армии среди всех русских анзаков – он имел чин лейтенанта-полковника и командовал 16 батальоном – обучался в Белгородской гимназии. Его старший брат, Моисей Маркович Марголин, получил образование в Петербургском университете, был писателем и редактором энциклопедии «Брокгауз и Ефрон», редактором журнала «Еврейская жизнь». В 17 лет Лазарь с родителями покинул Россию и провел около 10 лет в колонии Реховот в Палестине. Здесь он прославился своей смелостью: «сидит на коне, как бедуин, и стреляет, как англичанин», – вспоминали о нем местные арабы. Тем не менее, Марголин сохранял верность и своему русскому наследию. Октябрьская революция застала его на западном фронте. Он тут же обратился к командованию с просьбой направить его либо в Россию – «я родился в России и хорошо говорю и пишу по-русски», – либо в Палестину.

И, наконец, выделяется большая группа англизированных или европеизированных евреев, которые, эмигрировав из России в Англию, другие страны

Европы, Америку или Южную Африку, прожили там значительное время, а затем перебрались в Австралию. Среди всех российских иммигрантов они являлись самой ассимилированной группой.

По месту рождения среди еврейских анзаков наиболее многочисленными были уроженцы Украины (43 из 130 человек), причем уроженцы Одессы среди них составляли около половины. Это был космополитический культурный центр, который дал много образованных евреев. Например, Юр Кивович, выросший в Одессе, вступая в австралийскую армию, писал, что имеет «дипломы переводчика с русского, арабского, турецкого, немецкого и т.д., а также имеет опыт работы с французским, итальянским и испанским языками». Эти знания емугодились, когда его направили служить австралийским военным цензором в Египте.

Торговцы, моряки и «бушмены»

Евреи, выросшие в черте оседлости, в Австралии обычно селились в крупных городах – Мельбурне, Сиднее и Перте – и работали в своих традиционных сферах – портными, торговцами, коммивояжерами. К этой группе принадлежали, например, братья Элкон и Симча Баевские из белорусского городка Кричев. Приехав в Австралию в конце XIX века, они начали свой путь к успеху торговцами-разносчиками галантерейных товаров. К началу войны они уже были богатейшими коммерсантами, основателями торгового дома Майер Эмпориум, ныне в него входит всем известная сеть магазинов Коулс (Coles). Хотя они и не перечеркнули свое русское прошлое, для них характерно было стремление к ассимиляции, вскоре они приняли фамилию Майер. Во время войны они занимались поставками для австралийской армии. В 1915 г. Элкон Майер, будучи уже немолодым человеком, вступил в британскую армию и прослужил до конца войны. Но эта семья дала еще двух солдат и австралийской армии, к их судьбе мы скоро вернемся. Дети, приезжавшие в Австралию с родителями, быстро осваивали английский язык и росли австралийцами, получая хороший старт в жизни. В детстве привезли родители в Австралию братьев Лаковских, Эдуарда и Давида, их отец, с юга России, имел продовольственный бизнес. Четырехлетним приехал в Австралию Морис Лебович, из Майкопа, его отец занимался рыбной торговлей в Перте.

Многие овладевали профессиями нетрадиционными для русского еврейства. Например, Самуил Сеуф из Каунаса, родные которого жили в Южной Африке, стал моряком. Моряками были и Джордж Герман Коти, уроженец Киева, и Давид Минор из Вильны, их родственники жили в Нью-Йорке. Татуировка, которой был покрыт Давид, вызвала удивление даже выдавших виды чиновников на призывном пункте, и они описали ее во всех деталях – особенно любопытна была правая рука, где красовалась голова китайца, пронзенная шпагой, и надпись "D.M. Born in Vilna 1894". Плотником и моряком был и Григорий Кунин из белорусского местечка Воложина. В 15 лет покинул Россию Исаак Прус, уроженец Городка в Белоруссии, он отправился в Лондон, где освоил профессию столяра-краснодеревщика. Некоторые испытали воздействие других европейских культур. Моррис Саффар (или Мойше Сейфер, согласно русскому консулу) был инженером, очевидно пожил во Франции, т.к. при натурализации записался парижанином.

Интересны судьбы и евреев, приехавших в Австралию в юности и ставшими настоящими «бушменами», т.е. жителями «буша», отдаленных внутренних районов страны. Натан Краусман из Бессарабии приехал в Австралию еще 18-летним юношей, в 1890 г., и жил в буше, работая лесорубом и старателем. Австралийским фермером стал Джон Голдберг из Гродно, приехавший в Австралию в 14 лет и многие годы живший в австралийской глубинке – Гандагае, Аделонге, Бурове. Генри Джордж Абрамович из Варшавы, бывший моряк, тоже стал бушменом и промышлял ловлей кроликов. Лазарь

Марголин, приехавший в Западную Австралию в 1902 году, выучил английский язык в австралийском буше, работая погонщиком, разнорабочим и горняком в Кулгарди, Калгурли, Колли и Лолерсе. Хотя, освоив язык, он и занялся бизнесом, австралийская закваска осталась в нем навсегда. Зеев Жаботинский, встретивший его в Лондоне в 1917 году, писал: «Порция его красноречия — десять слов в сутки; его мысли — мысли человека, прожившего жизнь вдали от больших городов, в Палестине времен первых пионеров, в зарослях австралийского "буша" — at the back of beyond ("по ту сторону той стороны"), как выражаются у них в Австралии: медленные, высокие, односложные и глубокие мысли, проникнутые метким чутьем действительности».

И уж совсем необычным бушменом был Павел Ефраим Зундолович (именно так писалась его фамилия в Австралии, хотя вполне вероятно, что это искаженная известная фамилия Зунделевич). Уроженец литовского местечка Тельши, он принял католичество и, согласно легенде, отправился в Рим, где получил теологическое образование. Его возвел в сан священника сам папа римский, Пий X, и направил на работу в Австралию. Приехав в Австралию в 1894 году, — и здесь мы возвращаемся к фактам, — отец Павел Зундолович отправился в один из самых отдаленных приходов — Вилканию на западе Нового Южного Уэльса, где, путешествуя верхом на лошади, нес слово божье аборигенам и поселенцам-пионерам. Его походный чемоданчик завершил свой путь на выставке в церкви Моама, в Риверине, в северо-западном приходе Виктории, где он прослужил 19 лет. В чемоданчике «хранится переносной алтарь, складная чаша в кожаном чехле и дароносица». Сохранилась и железная кочерга, которой он пользовался, разжигая костер на привалах во время своих странствий. Во время войны, уже немолодым человеком, отец Зундолович взял на себя миссию сопровождать австралийские войска, отправлявшиеся в Англию, в качестве корабельного священника.

«Принадлежу к британскому народу»

Некоторые евреи-анзаки выросли, не имея никаких связей со своей Россией. Соломон Розенберг покинул Россию в 9 лет, жил в Глазго, в Англии, потом в Аргентине. Когда ему пришла пора подавать документы на натурализацию, он не знал даже, где он родился, и лишь запросив отца, он выяснил, что происходит из Брест-Литовска. Некоторые из них принимали английские имена и, при вступлении в армию, даже выдавали себя за англичан. Например, семья Пасвальских из Опочки, на северо-западе России, давшая Австралии трех анзаков, была известна в Перте как Вальтерс. Абрахам Левене при вступлении в армию назвался Давидом Конроем, уроженцем Глазго, и только после его гибели в Галлиполи его родители, жившие в Англии, сообщили военному ведомству, что он родился в России.

Подобным же образом стало известно и настоящее имя Франка Бернарда — это был Франк Бернард Хершон Лесни из Варшавы. После его гибели на западном фронте его мать писала военным властям: «Я приехала в Лондон, когда мой сын был младенцем, и растила его до 17 лет». Получив образование в Лондоне, Франк в 18 лет эмигрировал в Австралию. Через два года, когда началась война, он вступил в австралийскую армию. В письме домой, отвечая, почему он не вернулся в Англию для вступления в армию там, он писал: «Я часто думаю о старых добрых днях, кажется, что все это было много лет назад, я думаю о доме, о своем родном доме, о том, как я гонял на велосипеде, пытаюсь свернуть себе шею, о том, как весело мы проводили каникулы на море. Развлечения, жизнь, красота, дом... Но вернуться ко всему этому в качестве одного из толпы рабочих — это не по мне. Австралия, дом трудящихся, мне больше по душе, и в качестве рабочего, и в качестве солдата. Я люблю свободу, а этого-то у меня и не было бы, вступи я в английскую часть».

Вопрос национальной принадлежности для еврейских анзаков значил иногда гораздо больше, чем формальная запись в армейских аттестационных документах. Намного больше...

И здесь мы опять вернемся к семье Майеров. Еще до войны Элкон и Сидней (Симча) Майеры пригласили в Австралию своих молодых племянников Самуила Эттингова и Наума (Нормана) Майера из местечек Ляды и Татарск под Могилевым. Дети получили здесь хорошее образование и выросли, отождествляя себя с австралийской, а не с русской культурой. Оба юноши вступили в австралийскую армию. Но когда Самуилу надо было принять присягу, он наотрез отказался делать это как русский подданный и обратился к австралийским властям с просьбой о натурализации с тем, чтобы он мог принять присягу как австралиец. «Я считаю, что стать солдатом – это мой долг перед Австралией, страной, которая усыновила меня, – убеждал он австралийские власти на прекрасном английском языке. – Я хочу вступить в армию именно как британский австралийский солдат, а не как русский. Я считаю себя евреем, а не русским, и принадлежу к британскому народу, чувства и убеждения которого я полностью разделяю и в чьей цивилизации я был воспитан».

И хотя для вступления в австралийскую армию русские не нуждались в австралийской натурализации, да и, кроме того, австралийские власти в это время наложили полный запрет на натурализацию молодых россиян, для Самуила сделали исключение – ему срочно была оформлена натурализация, и он принял присягу как австралиец вместе со своими однокашниками из Мельбурнского университета, которые тоже вступали в армию. К сожалению, жизнь его трагически оборвалась еще до отправки на фронт – он погиб, когда его мотоцикл столкнулся с трамваем.

История двоюродного брата Самуила – Нормана Майера – дает, казалось бы, этой семейной саге счастливый конец. В австралийской армии он прошел путь от рядового до лейтенанта. Он унаследовал Майер Эмпориум и под конец жизни стал кавалером одного из высших английских орденов (Knight Bachelor) с титулом сэра. Но и у него был свой счет к его русскому прошлому. Он о нем никогда не говорил. Его дочь Памела узнала, что ее отец родился в России, только когда ей пришла пора получать паспорт и заполнять анкеты. И никто в семье Нормана не знал, что в Израиле все эти годы жила его мать, которую он всю жизнь финансово поддерживал. Его внук, мельбурнский журналист Род Майер, пишет в своем очерке: «Отец Наума умер, когда ему было 6 месяцев. Его мать, чтобы поддержать семью, должна была выйти замуж снова. Ее муж был так жесток, что мальчик часто убегал из дома и прятался в лесу, пока холод и голод не заставляли его возвращаться. Спасение пришло в виде билета в Австралию от Сиднея и Элкона Майера». Отныне прошлое осталось в прошлом.

Но вот Хаим Самойлович Платкин сделал другой выбор. Он родился в Рогачеве, в той же Могилевской губернии, откуда происходили и Майеры. Как и они, он покинул родину в молодости, еще в конце XIX века, и прожил 20 лет в Англии, где он стал театральным антрепренером, известным под именем Эдвард Платт. Под этим именем он приехал в Австралию в 1914 году в качестве импресарио молодых музыкантов Чернявских. С началом войны он развил кипучую деятельность в Австралии, организуя сбор пожертвований на военные цели и способствуя патриотической пропаганде. Он даже пытался организовать русско-австралийскую часть в составе Австралийской армии. Он предпочел вступить в армию под своим подлинным именем – Хаим Самойлович Платкин, – из патриотических соображений, как знак солидарности с воюющей Россией. Он еще не знал, какую цену ему придется за это заплатить...

Я уважаю выбор их обоих – Самуила Эттингова и Хаима Платкина. Это был наш жестокий двадцатый век, который заставлял их делать такой выбор.

Немного статистики

У меня собраны сведения о 130 евреях из России, служивших в австралийской армии. Среди них было 14 уроженцев Белоруссии, 47 – Украины и Бессарабии, 28 родились на территории нынешних Литвы и Латвии, 28 – в русских губерниях Польши, и 11 человек происходили из русских губерний за пределами черты оседлости, в основном из Сибири. Из 94 человек, дата прибытия которых известна, 10 прибыли в конце XIX века, 31 – на протяжении первого десятилетия XX века и 53 человека – на протяжении 1911-1918 гг. (особенно много приехало непосредственно перед войной, в 1912-1914 гг.). В отличие от других россиян, которые преимущественно приезжали в Австралию без семей, еврейская иммиграция, как я уже говорила в предыдущем очерке, была семейной. Около половины еврейских анзаков имели в Австралии семьи: 28 имели жен, 12 – родителей, остальные – братьев, сестер или других родственников. Их отношение к иммиграции выразилось и в том, что около 45 процентов еврейских анзаков к моменту вступления в армию были натурализованы, среди этнически русских анзаков натурализованы были всего 17 процентов.

В профессиональном отношении еврейские анзаки распределялись следующим образом. Из 125 человек, сведения о профессиях которых у меня есть, 16 были заняты неквалифицированным физическим трудом, 3 были садоводами и фермерами, 8 – моряками, 22 владели техническими профессиями (кузнецы, плотники, механики и т. п., эта группа включает также 5 ювелиров), 35 работали в сфере услуг (портные, повара, официанты, парикмахеры), 32 были вовлечены в торговлю и бизнес (коммивояжеры, продавцы, коммерсанты, посредники) и, наконец, 9 человек можно отнести к интеллигенции (клерк, переводчики, студенты, врач, геодезист, театральный антрепренер). Как видим, в профессиональном отношении еврейские анзаки далеко отошли от того стереотипного набора профессий, который был доступен им в местечках черты оседлости в России и в Польше. Австралия и другие страны Британской Империи, где они оказались, давали им широкие возможности для проявления своих сил, и когда пришло время защищать страну, давшую им приют, многие евреи вступили в армию.

Распределение российских евреев по месту вступления в армию отражает общие тенденции их расселения в Австралии. Среди 130 человек 13 вступили в армию в Квинсленде (здесь преобладали те, кто попал в Австралию через Сибирь), 52 – в Новом Южном Уэльсе, 31 – в Виктории (в этих двух штатах было много лиц, попавших в Австралию в результате двухступенчатой миграции через Англию и другие страны), 8 – в Южной Австралии, и 26 – в Западной Австралии (здесь оседали те, кто попытал счастья в Палестине или в Египте).

Вступление в армию

Причины вступления еврейских анзаков в армию были сходны с причинами, по которым вступали в нее и австралийцы. Евреи, родившиеся в России, но выросшие в Англии – «британцы по духу» – вступали в армию в числе первых, побуждаемые патриотизмом и стремлением выполнить долг перед империей. Среди них можно назвать Абрахама Левене, выросшего в Ноттингеме и выдавшего себя при вступлении в армию за Давида Конроя, шотландца; Сиднея Лака из Замостья, под Люблиным, покинувшего Россию в детстве и получившего профессию геодезиста в Лондоне; моряка Чарльза Зандера из Вилейки в Белоруссии – рано потеряв родителей, он колесил по свету и женился в Англии на вдове с двумя детьми. К этой же группе принадлежит и Франк Лесни, с которым мы познакомились в предыдущем очерке. Он попытался записаться в первые дни войны, но, отвергнутый по медицинским показаниям, смог

добиться зачисления в армию только в мае 1915 г.

Чувство долга перед Австралией, которая стала их домом, вкупе с жадой приключений руководили и еврейскими юношами, выросшими в Австралии. 17-летний

Петр Комисаров

Петр Комисаров, работавший в магазине у своих родственников в Мельбурне, «когда началась война, сбежал в Новый Южный Уэльс и вступил в армию в Кутамандре, завысив свой возраст до 22 лет, – рассказывает его дочь. – Просто удивительно, как они ему поверили! На армейской фотографии он выглядит как бойскаут». В 18 лет вступили в армию в одну часть двое подростков в Западной Австралии – Луис Пасвальский из Опочки и Михаил Немировский из Томска, в 19 лет – Александр Санк из Александровска и Джордж Брейтман из Чечельника в Подолии. В этом возрасте им было достаточно прожить всего 2-3 года в Австралии, чтобы почувствовать себя австралийцами и отправиться защищать свою новую страну. А вот Самуэлю Гунзбургу (Gunzburg) из Минска (по другим данным он родился в Палестине), Давиду Лаковскому из Екатеринослава и Вольфу Гринштейну из Одессы, родившимся в самом конце XIX века, пришлось ждать чуть ли не до самого конца войны прежде, чем их приняли в армию. Моряки-евреи, как и моряки других национальностей, часто вступали в армию не из-за

патриотических чувств, а застряв в Австралии и не имея возможности найти работу. Например, 19-летний корабельный маляр Бен Гоффин из Подолии записался в армию в день прибытия из Америки; вскоре после прибытия в Австралию вступили в армию и молодые моряки Самуэль Сеуф и Морис Ротштейн.

Впрочем, как мы еще увидим, жизнь наших анзаков не всегда укладывалась в простые героические схемы, в ней было много крутых поворотов. Моряк-социалист Луис Бродский, с которым мы познакомились в предыдущем очерке, к началу войны уже давно осел в Мельбурне, став отцом сыновей-близнецов Александра и Исидора и хозяином мастерской, где вещи принимались в чистку и окраску. «На окне мастерской была большая надпись “2 шиллинга 6 пенсов”, – пишет Александр в своих воспоминаниях, – отец часто сидел там со своими друзьями, покручивая черные усы и рассуждая о социализме». Как только началась война, Луис, «охваченный жадой приключений, бросился записываться. Его не приняли из-за плохих зубов, и тогда он развернул кампанию против военных властей, которая привлекла внимание газет. Он доказывал, что есть много здоровых мужчин в такой же ситуации, как он, которым отказано в приеме в армию из-за такого незначительного недостатка. В конце

Луис Бродский (в форме) с сыновьями (справа) и родственниками

концов, он добился одобрения властей создать подразделение, в которое зачислялись бы лица, отвергнутые по причине плохих зубов». В семейном архиве Бродских сохранилась фотография Луиса с семьей на вершине его успеха – он зачислен в армию и готов к отправке на фронт. О том, что произошло дальше, семья узнала только 90 лет спустя из обнаруженных мною архивных документов. Попав с австралийскими войсками в Египет в 1915 г., Бродский понял, что армия – не для него, он обратился к командованию с просьбой уволить его, но получил отказ. Не долго думая, он взял дело в свои руки, «приобретя документы на имя Давида Липшица у русского беженца» и покинул армию. Под этим именем он проработал всю войну на кораблях в Средиземноморье и в Атлантике. В армии не заметили его отсутствия, и его жена продолжала исправно получать пенсию, пока Луис сам не признался военным властям в своем дезертирстве, добравшись до Австралии в 1918 г. Он снова стал Бродским и вернулся к своей семье и в свою мастерскую. А паспорт на имя Липшица он сохранил на всякий случай, и этот паспорт еще появится в нашей истории...

Статистика свидетельствует о том, что значительный процент австралийских евреев вступил в армию. Например, согласно данным Харольда Боаса, автора «Книги почета австралийских евреев» (1923), в армию вступили 13 процентов всех австралийских евреев. Но не следует думать, что героический порыв охватил буквально всех евреев. Австралийский писатель Джуда Уотен в своих воспоминаниях «Дитя войн и революций» рассказывает о жизни их семьи, эмигрировавшей в Западную Австралию из Одессы накануне войны: «Моя мать ненавидела войну, ненавидела русского царя и надеялась, что он будет свергнут. Англичане маме, конечно, тоже не нравились, потому что они поддерживали царя в 1905 году, когда его власти угрожала революция, и потому что теперь – ведь он был чуть ли не главным союзником англичан – военные пропагандисты, и английские, и австралийские, все время изыскивали, что бы такое хорошее о нем сказать, рисуя его справедливым и добродетельным монархом. Мать отговорила отца идти в армию».

Часть 2. Война

Высадка в Галлиполи

Но вернемся к героическим страницам. В Галлиполийской кампании участвовало 14 еврейских анзаков (это число может быть уточнено в дальнейшем, т.к. я еще не смогла ознакомиться с несколькими архивными досье). Пятеро из них – Зандер,

Абрахам Левене

Левене/Конрой, Лак, Марголин и Фельс участвовали в высадке 25 апреля 1915 г. Натан Вочман из-под Тельшай в Литве, высадившийся со следующим контингентом войск, в мае, писал властям в 1939 г. в связи с потерянной натурализацией: «Я потерял все мои бумаги во время высадки в Галлиполи». Трое из них – Левене, Фельс и Марголин – были ранены вскоре после высадки, во время тяжелых боев за Кровавый угол 2-3 мая. Абрахам Левене вернулся в свою часть после ранения и был убит несколько недель спустя 23 июля 1915 г. в Шрапнельной Долине. Родившийся в России, выросший в Англии, возмужавший в австралийском буше – он стал первым еврейским анзаком, погибшим на полях первой мировой. (Фотографию его могилы можно посмотреть в Интернете,

используя линки с его страницы на моем сайте). Щия Фельс, огранщик алмазов из Варшавы, был тяжело ранен в ногу и отправлен в Австралию. Он навсегда остался хромым, но он не считал свою войну законченной и сам отправился в Лондон, где попытался вступить в авиационные части. Из-за инвалидности его не приняли, и тогда он поступил в Британскую военную разведку, где прослужил до конца войны. Натан Вочман с тяжелыми ранениями в руку и в ногу был отправлен в Австралию через 8 дней после высадки.

«Старина Марджи»

Лазарь (Елиазар) Марголин, о котором я уже писала в предыдущем очерке, стал одним из героев Галлиполи. К началу войны он жил в шахтерском поселке Колли в Западной Австралии, открыв там предприятие по производству прохладительных напитков. Но быть провинциальным бизнесменом ему было мало. Его неугомонная натура требовала действия, и в 1911 г. он организовал в Колли взвод Западноавстралийского пехотного батальона. Когда была объявлена война, он вступил в армию одним из первых, в чине лейтенанта его зачислили в 16 пехотный батальон, сформировавшийся в Западной Австралии. В декабре он получил чин капитана. При высадке в Галлиполи Марголин командовал ротой Б 16 батальона, в котором сражалось около десятка россиян (батальон насчитывал около тысячи человек и состоял из четырех рот).

В Австралийском военном мемориале сохранился дневник сигнальщика 16 батальона Элиаса Силаса, бывшего рядом с Марголиным в первые, самые кровопролитные дни после высадки. В мирной жизни Силас был художником, и это сказывается на экспрессионистской манере, в которой он ведет дневник. Через пару дней после высадки, под постоянным артиллерийским обстрелом, он записывает:

«Поднимается бледная луна – враг может атаковать наши окопы в любую минуту, а у нас нет резервов. Я прошу капитана Марголина позволить мне углубить его окоп, чтобы сделать его более безопасным, поскольку каждый раз, когда он поднимается, чтобы отдать приказ, ему приходится высовываться из окопа. После долгих уговоров он соглашается, но в то же время спрашивает меня, закончил ли я рыть свой окоп. Однако, только я обезопасил его позицию и разместил вокруг несколько кустов, чтобы немного замаскировать его, ... как его ранило пулей в рот.

– О боже! – воскликнул я. – Они в Вас попали, сэр?

– Бог мой! – закричал он. – Они меня наконец накрыли.

Но когда прошел первый шок, он сказал мне:

– Я думал, что это все, Силас; что делать? Нельзя, чтобы ребята увидели, что меня ранили».

И, несмотря на уговоры Силаса отправиться на перевязку, Марголин хватается винтовку, потому что турки вот-вот могут ворваться в окоп. А когда все немного затихает, Марголин уговаривает Силаса, который не спит уже несколько дней, поспать. Характерно, что в послужном списке Марголина сведений об этом ранении нет – он так и не оставил свой пост. Через несколько дней, 2 мая, во время боев за Кровавый угол, Марголин был ранен в руку, но уже 5 мая вернулся в окопы, он не мог оставить своих ребят. Не удивительно, что солдаты любили этого немолодого человека со странным акцентом как родного отца, ласково называя его «старина Марджи». Об этом писал и Зеев Жаботинский в своем «Слове о полку»: «Крупный, широкоплечий человек, молчаливый, солдат с головы до ног, у себя в батальоне и царь, и отец, и брат для своих boys; притом изумительный хозяин и организатор».

9 мая, во время боев за Королевский пост, 30 солдат 16 батальона под командованием Марголина бросились на помощь атакующему 15 батальону. Они

понесли тяжелые потери. Сам Марголин выжил чудом – пуля попала ему в грудь, но, к счастью, как раз в то место, где в нагрудном кармане у него лежал толстый блокнот. Это и спасло его жизнь. Силас, рассказывая о событиях этого дня, писал: «Я очень надеюсь, что наш дорогой старина Марджи (капитан Марголин) не будет убит; он замечательный человек и несравнимый смельчак». А вокруг гремел ад. Солдаты 16 батальона, продвинувшиеся вперед, залегли у парашюта окопов 15 батальона – внутри окопов уже не было места, – их косил шквальный огонь противника. «Мои бедные парни, – в отчаянии говорит Марголин, – они все погибнут; если бы я мог их отозвать обратно». Силас вызвался передать его приказ. Шесть раз Силас пробирался через полосу огня, добиваясь выполнения приказа Марголина: «Передай Харвуду, чтобы он вывел их обратно, они там не нужны, для них нет места; я не хочу терять моих мальчиков за зря».

Элиас Силас. Поверка

На рассвете следующего дня Силас набрасывает один из своих самых известных рисунков «Поверка». Одно за другим звучат имена, а в ответ – тишина, лишь горстка выживших стоит, опираясь на винтовки. Офицер, проводящий поверку, скорей всего и есть Марголин.

Во время вчерашнего боя погиб лучший друг Марголина капитан Курльюис. Вечером Марголин с Силасом сидят в окопе. Тяжелый запах разлагающихся тел висит в

воздухе. «Я предлагаю капитану Марголину сигарету; хотя он и не курит, я думаю, ему надо попробовать.

– Хорошо, Силас, – говорит он, – я попробую, посмотрим, как пойдет. – Он все еще не пришел в себя после гибели Курльюиса. – Силас, я слышу голос Курли, – бормочет он...»

...Кем чувствовал себя Марджи в те тяжелые дни – русским, выросшим на русской гуманистической литературе, или евреем, обретшим свои корни на древней земле Реховота? Нет, в тот момент прежде всего он был австралийцем, таким же как эти парни с западноавстралийских ферм и шахт, выполняющие свой воинский долг.

После майских боев Марголин получил чин майора, в сентябре он был назначен командующим 16 батальона. За успешно организованную им оборону занятых рубежей во время сентябрьских и последующих боев и блестяще выполненную эвакуацию войск в конце декабря Марголин был награжден Орденом за выдающиеся заслуги.

Галлиполи – последние месяцы

Остается сказать несколько слов об остальных еврейских анзаках, сражавшихся в Галлиполи во второй половине 1915 года. Среди них были Барни Саклов, развозчик хлеба из Витебска; Самуэль Борцель, переводчик из Иркутска; Альберт Кранц, плотник из Новопавловки под Екатеринославом; Гершун Харберт, портной из Польши; наш знакомый Франк Лесни; Вольф Хофман, рабочий из Подольской губернии, Лион Харлап, слесарь из Одессы, выросший в той же колонии Реховот в Палестине, что и Марголин; и, вероятно, Давид Робин, торговец из Белостока на границе Польши и

Белоруссии. Большинство из них недолго продержались на Галлиполи – заболевания и ранения продолжали косить солдат. Борцель, например, через месяц после прибытия был тяжело контужен во время взрыва бомбы на расстоянии всего метра от него. На долгое время он потерял слух и речь. Поправившись, он вернулся в свой 17 батальон. Два года спустя он будет ранен в ногу во время боев под Ипром, ногу ампутируют, и он навсегда останется калекой.

Франк Лесни писал домой в начале декабря: «Нам приходится здесь нелегко – наступили холода, мы редко получаем горячую еду и очень скудный рацион воды. Наша главная еда – солонина и галеты. ... Мы проводим 6 часов на передовой в окопах, потом на 6 часов отходим на вторую линию – за это время не отдохнешь и не поспишь... Что ж, такова жизнь!» Из 14 еврейских анзаков-галлиполийцев к моменту эвакуации австралийских войск в конце декабря 1915 г. оставалось всего несколько человек.

Сионский корпус погонщиков мулов

В заключение надо упомянуть, что связи евреев из России с Австралийской армией на Галлиполи не ограничивались только историями наших анзаков. Сионский корпус погонщиков мулов, созданный британцами в 1915 г. в Египте, включал много русских евреев, попавших в Египет через Палестину. Во время Галлиполийской кампании этот корпус (правильнее было бы называть его отрядом) был включен в состав корпуса Анзаков, т.е. в состав Австрало-новозеландской военной группировки. Погонщики мулов двигались по горным тропам под непрерывающимся обстрелом противника – артиллерии и снайперов, – постоянно рискуя жизнью. Это была главная транспортная артерия, обеспечивающая доставку боеприпасов и продовольствия австралийским войскам. Эта страница еврейско-австралийского боевого братства остается еще полностью неисследованной. В этом корпусе служил Юлиан Орлов/Вейнберг, о котором упоминалось в предыдущем очерке. После ранения он попал в Австралию, где вступил в австралийскую армию и был направлен на Западный фронт.

Загадка Альфреда Марковича

Мне хотелось бы продолжить рассказ о героической истории наших анзаков, но не всегда реальные судьбы укладываются в стандартные схемы, в пресловутую легенду анзаков. В одну такую судьбу мы и взглянем, прежде, чем отправимся вслед за войсками с Галлиполи в Египет и на западный фронт.

В 1935 году на еврейском кладбище Руквуд в Сиднее был похоронен журналист Альфред Ян де Топор Маркович, покончивший с собой. Его хоронило еврейское погребальное братство «Хевра Кадиша». В свидетельстве о смерти было записано «религия – еврейская». Значится Маркович и в «Книге почета австралийских евреев», составленной Харольдом Боасом в 1923 году. Но был ли он евреем? Альфред Маркович родился в селе Марково под Краковом. Хотя в тех местах эту фамилию носили и поляки, и евреи, его родители имели имена, характерные только для поляков – Станислав и Людвиг. Маркович несомненно происходил из состоятельной семьи, знал польский, английский, немецкий, французский и итальянский языки. В девятнадцать лет он отправился в Лондон, затем три года жил в Новой Зеландии, после чего поселился в Океании, сначала на Самоа, потом на Тонга, где был плантатором, работая для английских и немецких фирм. Незадолго до начала войны он приехал в Сидней и вскоре вступил в армию. Его вероисповедание при вступлении в армию значилось как

римско-католическое. Почему он умер евреем, почему покончил с собой – все это пока остается загадкой. Даже если этнически он был поляком, это был его выбор, и его история имеет право быть рассказанной среди историй других еврейских анзаков.

Он вступил в армию в самом начале войны, с первым контингентом войск в составе 3 батальона отправился в Галлиполи, участвовал в высадке 25 апреля 1915 года и выдержал первые, самые кровопролитные дни. Смелый и инициативный боец, через несколько дней после высадки, когда каждый солдат, казалось бы, должен был быть на счету, он неожиданно услышал от командира: "Маркович, я против Вас ничего не имею. Вы хорошо поработали, но Вы обвиняетесь в прогерманских симпатиях, Вам нужно пойти на командный пункт и очистить себя от подозрений". На командном пункте его продержали под строгим арестом восемь дней, не предъявляя никаких обвинений, а затем сообщили, что он будет возвращен в Австралию с формулировкой "Услуги больше не нужны". Однако на корабле, на котором он возвращался, было распространено сообщение о том, что он шпион, и его посадили в камеру. В это время его вещмешок попал в руки бдительных охранников, которые искали там "оружие и амуницию". Не найдя оных, они прихватили бумаги и все, что было там ценного, в том числе коллекцию редкостей, собранную Марковичем в Египте, – как человек состоятельный и образованный, он имел к таким вещам большой интерес. Когда, обнаружив пропажу, Маркович пожаловался, ему пригрозили заковать его в кандалы.

По возвращении в Австралию, служба безопасности подвергла его допросам. "Улики", собранные против него, были просто смехотворны. Здесь, например, фигурировало то, что он работал для германской фирмы на Тонга перед тем, как приехать в Сидней (для какой еще фирмы он мог работать, живя в германской колонии!?).

Подозрения вызвали и первые дни пребывания Марковича в Галлиполи. Вскоре после высадки командование его 3 батальона послало его с донесением на командный пункт. Возвратившись назад, он не обнаружил своего подразделения, которое отступило. Уже в сумерках, вместе с группой новозеландцев, тоже оторвавшихся от своей части, он присоединился к 16 батальону, где по существу проявил себя героем, добровольно выходя несколько раз в разведку и используя свое знание французского языка для переговоров с окружавшими их турками. Его инициатива позволила выяснить, что их позиции были окружены турками, а не союзниками, как полагало командование, и предотвратить неожиданный захват их позиций противником. В показаниях Марковича на допросе все еще слышится азарт этих звездных часов его жизни:

«Я выбрался из окопа, продвинулся на несколько шагов и увидел, что передо мной были турки, целое их подразделение залегло вокруг нас. Я снова спросил «Кто вы?» Они ответили (по-французски) «Солдаты». «Какой армии?», спросил я. Они ответили: «Оттоманской армии». Услышав это, я прыгнул назад в наш окоп и закричал: «Это турки, палите, ребята». Наши силы тут же открыли огонь, но тут же пришел приказ справа «Прекратить огонь с левой стороны. Вы бьете по своим справа». Но я приказал еще по 3 заряда беглого огня и 5 зарядов беглого огня. Противник отступил. Тут опять запросили справа «Кто вам дал приказ стрелять?» Мы ответили: «Мы стреляли, потому что поняли, что это турки»».

По существу, Маркович вел себя как герой – его инициатива спасла многих его сослуживцев от гибели и плена. Можно подумать, что такой находчивый, решительный, образованный рядовой вскоре должен был бы получить повышение – должен был бы, не родился он в России...

Когда обстановка нормализовалась, Маркович вернулся в свой батальон с запиской от командования 16 батальона о причинах его отсутствия. Он продолжал смело сражаться в своем взводе до самого ареста 12 мая. Материалы допросов

Марковича рисуют полную неразбериху, царившую в первые дни после высадки, и дезориентацию командования. И до боли напоминают нравы в советской армии в трагические дни 1941 года, да и в последующие годы. В то время, как рядовые бойцы гибли без счета, кто-то следил за "подозрительными", писал доносы и строил на этом свою "боевую" карьеру. В деле Марковича, например, имеется совершенно дикий донос такого характера: "Хотя Маркович якобы не жил во Франции, а учил французский язык в школе, знать язык так, как знает он, можно только живя в Париже, а поскольку он прожил шесть лет в Австралазии, на это надо обратить внимание".

После возвращения в Австралию 17 июля 1915 г. Маркович был уволен с формулировкой "Дисциплинарные причины". В его деле после этих слов стоит приписка карандашом: "Не преступление. Сомнительное имя". Эта история легла темным пятном на судьбу Марковича. Когда, после войны, будучи членом Лиги ветеранов (RSL), он боролся за права фронтовиков и разоблачал злоупотребления военных бюрократов, военные опять вытащили на свет историю его увольнения из армии. Только к 1922 году ему удалось добиться права на получение военных медалей. В 1931 г., когда он хотел получить работу в правительственном учреждении, службы безопасности вновь были запрошены о его прошлом. Правда, на этот раз чиновник честно написал: "Его подозревали в том, что он шпион, но никаких оснований для этого подозрения так и не было обнаружено". Маркович даже сменил свое имя на английское – Марр, но очевидно так и не смог ужиться в новой стране. Уйдя из жизни, он оставил 12-летнего сына Эдгара Яна Марра, который защищал Австралию в годы второй мировой войны.

От Египта до Палестины

Австралийские войска переправленные с Галлиполи в Египет, вскоре были посланы на западный фронт, во Францию и Бельгию, но часть анзаков осталась на весь свой срок службы на Ближнем Востоке; среди них были евреи, родившиеся в Российской империи. Основной контингент, оставшийся здесь, составляли кавалерийские и верблюжьи части. Вопреки распространенному мнению, что в такие части брали австралийцев с навыками сельских жителей – бушменов, - евреи, оказавшиеся здесь, были горожанами и совсем не имели сельского опыта, Джордж Фербер из Мелитополя был торговцем мануфактурой (при вступлении в армию он записался гуртовщиком), Лион Харлап, родившийся то ли в Одессе, то ли в Реховоте – механиком, Юр Кивович, родившийся в Херсоне и выросший в Одессе и в Палестине – торговцем и переводчиком, Абрахам Смойшен, его земляк – портным. Хотя и не бушмены, как их австралийские сослуживцы, они научились применяться к трудностям кочевой жизни в пустыне – песок, пыль, мухи, изнуряющая жара, недостаток свежей еды и воды. Трудности службы приводили к многочисленным болезням. Вот лишь некоторые из них – гастрит, малярия (Смойшен), малярия (Фербер), конъюнктивит, малярия (Харлап).

Большую роль в налаживании специализированного медицинского обслуживания для египетского контингента войск сыграл один из австралийских евреев-старожилов доктор Рубен Ламан Розенфельд. Он родился в 1872 году в местечке Расейняй в Литве, в 1888 году эмигрировал в Австралию, закончил здесь Мельбурнский университет и работал врачом в Мельбурне, специализируясь в области болезней уха и глаз. В 1915 году он вступил в армию и в чине майора был отправлен в Австралийский госпиталь в Египте, здесь он прослужил больше года; затем он налаживал специализированное медицинское обслуживание в Англии.

Интересной была судьба и другого медика – Михаила Эммануиловича Клачко из Петербурга. Хотя абсолютно точных сведений о его этническом происхождении у меня

нет, но скорей всего он был евреем. Накануне войны он отправился из Англии на Дальний Восток на борту немецкого корабля «Лутзов». Начало войны застало корабль в Красном море, где немецкая команда судна незамедлительно интернировала российского доктора, но вскоре корабль был захвачен англичанами и Клачко высадили в Египте. Здесь он служил в британских медицинских частях, а затем перешел на службу в 1-й Австралийский госпиталь в Гелиополисе. Оказалось, что он искусный пластический хирург в области лица. Многие австралийские анзаки, вывезенные в Египет с Галлиполи с тяжелыми черепно-лицевыми ранениями, были возвращены к жизни благодаря его мастерству. Один из его австралийских сослуживцев писал: «Ваше стремление помочь нам чем только Вы можете отражает добрую волю русского народа по отношению к нам. Мы, австралийцы, только малая часть Британской Империи, но я могу заверить Вас, как высоко мы это ценим». Даже австралийский министр обороны выразил признательность Клачко за его службу. В сентябре 1916 г. он приехал в Австралию, сопровождая раненых, и некоторое время служил врачом на призывных пунктах. Однако вскоре его романтическая связь с девушкой из богатой австралийской семьи, которая в 1917 году бежала с ним во Владивосток, а затем в Китай, изменила отношение к нему австралийских властей.

Во время ближневосточной кампании русские служили не только в кавалерийских и верблюжьих подразделениях, но и в других частях. Например, Юр Кивович из Одессы, знавший полдюжины языков, работал некоторое время в цензорском отделении, Лион Харлап был в военной полиции. Оба они приехали в Австралию из Палестины, но если большая семья Кивовичей покинула Палестину навсегда и переселилась в Австралию, то родные Харлапа остались там в колонии Реховот. С началом военных действий он потерял с ними связь. «Дойдя до этих мест с Австралийской армией, - писал Харлап, - я с радостью узнал, что мои родители и сестры были живы, хотя мой отец много перенес, оказавшись в руках врагов, и очень постарел». «Во время радостной встречи» с родными они решили, что после демобилизации Лион, вместо возвращения в Австралию, должен вернуться в Палестину. Вскоре после окончания войны австралийцы отпустили его.

Лазарь Марголин, после успешного вывода австралийских войск с Галлиполи в конце 1915 года, попал со своим 16 батальоном на западный фронт. В 1917 году он временно командовал 14 батальоном, но в конце концов судьба привела его обратно в Палестину. В конце 1917 г., когда Марголин был в Лондонском госпитале с травмой ноги, планы создания Британского еврейского полка стали реальностью. Сионский корпус погонщиков мулов, который включал много русских евреев и воевал вместе с анзаками в Галлиполи как часть Корпуса анзаков, стал основой Еврейского полка, сформированного в составе Британской армии. Он состоял из трех батальонов королевских фузилеров. Марголина по его просьбе перевели в Британскую армию и он принял командование 39 батальоном королевских фузилеров, в котором было много еврейских добровольцев из Америки и евреев-иммигрантов из России. Батальон Марголина был послан в Египет в апреле 1918 г. В сентябре 1918 г. батальон присоединился к кавалерии анзаков во время наступления на северную Палестину. После заключения мира Марголин остался в Палестине. В 1919 г. он организовал и возглавил Первый еврейский батальон Иудеи, который оставался частью Британской армии. Марголин пользовался в Палестине большой популярностью и вскоре был назначен губернатором Иерусалима. Во время арабского восстания Марголин со своим батальоном пытался предотвратить еврейские погромы. Он сделал это без санкции британских властей и чуть не попал под трибунал, но, разобравшись в чем дело, англичане дали ему почетное увольнение из армии и приказали покинуть страну. Он вернулся в Австралию.

Западный фронт, год 1916

Весной 1916 года началась переброска австралийских войск на западный фронт из Египта и из Австралии. Среди них были и еврей-анзаки, родившиеся в России; только на протяжении 1916 года около 40 из них попало на западный фронт.

Наш знакомый Франк Лесни, еврейский юноша, родившийся в Варшаве и выросший в Англии (при вступлении в австралийскую армию он выдал себя за англичанина), отправился на западный фронт в составе 2 дивизии. В письмах он подробно рассказывает о своих первых впечатлениях во Франции, в частности о

переезде на поезде из Марселя на фронт, в Армантьер, к северу от Парижа: «Марсель окружают горы, через которые поднималась наша дорога; вид внизу был очень живописным, залив лежал спокойный и все выглядело таким мирным. В первые сутки новизна путешествия, огромное различие между страной, которую мы покинули, и той, по которой мы двигались, пейзажи, жестикация французов – все занимало нас». Но к концу пути, пишет Лесни, «наши мысли ... как всегда обратились к еде». Наконец австралийские войска достигли линии фронта, сменив находившиеся там британские части. «К счастью, - продолжает Лесни, - жизнь в траншеях здесь лучше организована, чем в

Галлиполи. Мы не живем здесь постоянно в траншеях, как было там, а после нескольких дней на передовой отходим на отдых к местам расквартирования... Конечно, что касается опасности, в траншеях быть безопаснее, чем в резерве».

Хотя участок фронта в районе Армантьера, где первоначально разместили австралийские части, считался относительно спокойным (солдаты называли его «детским садом»), слова Лесни оказались пророческими – артобстрелы противника привели к первым жертвам. 16 апреля 1916 г., едва прибыв на фронт, от тяжелых шрапнельных ран скончался Давид Робин из Белостока в Гродненской губернии. Он приехал в Австралию в юности, еще в 1903 году, занимался торговлей сначала в Перте, а затем в Сиднее. В Австралии у него осталась жена. Через несколько дней, 20 апреля, рота «С» 9 батальона, которая только что прибыла из Египта и была расквартирована на ферме в Руж де Бут, подверглась прямому артиллерийскому обстрелу со стороны немцев, во время которого были убиты и ранены десятки человек. В эту роту входило много россиян из Квинсленда. Среди тяжело раненых был Александр Санк, механик, родившийся в Александровске под Екатеринослаом, но попавший в Австралию через Дальний Восток – с тяжелыми ранениями рук он был эвакуирован в Австралию и снова в строй уже не вернулся.

Здесь на долю 5 австралийской дивизии, самой молодой и наименее обстрелянной, выпала честь стать первым австралийским подразделением, участвовавшим в наступлении на западном фронте. 19 июля 1916 г. она была брошена в бой около Фромелле вместе с британской дивизией. Первоначально австралийцы успешно наступали по всему участку фронта, вытеснив немцев из траншей, но ночью ситуация изменилась и, вследствие недостаточной поддержки англичан, а также недостаточной помощи артиллерии, они вынуждены были отступить на первоначальные позиции с огромными потерями в 5533 человека. Здесь попал в плен Вольф Дорфман из Ровно на Волыни. Он прослужил три года в русской армии, очевидно

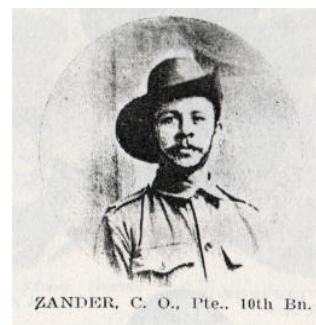
остался после службы на Дальнем Востоке и в 1915 году приехал в Сидней. Специальность его значилась как коммивояжер и клерк. Через несколько недель после прибытия, не найдя работы, он вступил в армию. Оказавшись в немецком плену, он попытался бежать, но был пойман; только после окончания войны он был репатриирован в Австралию. Среди погибших в этом бою был портной Гершун Харберт, польский еврей. Харберт не мог похвастаться крепким здоровьем. Он заболел, будучи в Галлиполи, затем в Египте. Документы свидетельствуют, что когда его дивизия в Египте была послана в трехдневный марш-бросок через пустыню с полным боевым снаряжением, он перенес сердечный удар. Тем не менее, он отправился со своим батальоном во Францию, где успел прослужить всего несколько дней. Во время атаки его бригада оказалась в самом тяжелом положении, вынужденная пересечь нейтральную полосу под шквальным огнем противника. Харберт нашел свой конец среди воронок развороченной земли, пропав без вести в бою. Мы никогда не узнаем, что заставило его вступить в австралийскую армию, возможно любовь к его новой стране. Человеческая песчинка, выполнившая свой долг...

Тем временем 1, 2 и 4 австралийские дивизии двигались на юг в район реки Соммы. Первой задачей, поставленной перед ними, был захват Позьера и находящихся к востоку от него немецких траншей. Среди раненых в боях за Позьер по странному совпадению было трое портных из Польши - Луис Крук, Абрам Сильверман, и Химан Бухнер (Вайтрок). Но вот четвертый человек - Франк Пайтон из Риги – тяжело раненый под Позьером в лицо и руку, - был человеком необычной судьбы. В 13 лет он убежал из дома, нанявшись на корабль. Он сменил имя (в австралийских анкетах он указывал, что его имя было Дейв Либман, но отца его звали Соломон Берков), добрался до Америки, и работал моряком. В Австралию он попал в 1913 году на норвежском парусном судне, прибывшем из Аргентины. Высадившись в Джералдтоне, он остался в тех краях и работал рыбаком. Ему еще предстояло пережить три ранения а потом долгие годы колесить по Западной Австралии и Северной Территории, но к его истории мы еще вернемся.

Позьер в результате немецких артобстрелов был сметен с лица земли, австралийцев засыпало землей при взрывах, многие гибли в окопах. Франк Лесни, когда его 2 дивизия была отведена на отдых после боев, начал свое письмо другу словами: «Мы вернулись из ада... Мы были в окопах девять дней и каждый день казался неделей и каждая ночь – месяцем. Последние четыре ночи группа из 50 человек (и я был одним из этих счастливиц) были отправлены в резерв 18 батальона. Фрицы бомбят резервы и части поддержки основательно каждую ночь, опасаясь нападения. ... Мы сидели в резерве, прижавшись к земле четыре ночи, ожидая, когда придет наш черед, то есть когда снаряд упадет в траншею и мы отправимся в очень долгое путешествие». Он закончил это письмо неожиданной темой, которая очевидно давно занимала его: «Теперь к нашей первоначальной дискуссии... Ты говоришь, что я не был бы таким, как я есть, не будь я евреем... Ты говоришь, что только еврей мог умереть так, как умер раввин из Кишинева. [Очевидно он имеет в виду события кишиневского погрома. – Е.Г.] Я видел, как умирают люди – умирают мужественно, черт возьми. Пример раввина ничто по сравнению с этим». Это было последнее сохранившееся письмо Лесни.

Теперь австралийцам предстояло наступать на север, к Мокет Фарм, которая казалась грудой развалин, но под ней находились глубокие немецкие укрепления. Согласно планам командования, это наступление позволяло занять позиции за Тепвалем, важным стратегическим пунктом. Попытки захватить Мокет Фарм продолжались почти семь недель, одна дивизия сменяла другую, с тысячами убитых и раненых.

В этих боях были ранены Лео Оберман (в армию его записали под фамилией Абрамам) из Кулдиги в Латвии и ветеран Галлиполи Барни Саклов из Витебской губернии. Чарльз Оскар Зандер из Литвы был здесь убит 22 августа 1916 г. Из его личного дела мы узнаем, что его растила бабушка, в 16 лет он остался сиротой и отправился искать работу на море. Он стал моряком, овладел навигацией, служил в Англии и в Австралии. В Англии же он женился на вдове с двумя детьми. Отвечая на запрос австралийского военного ведомства после его смерти, его жена, Этель Агнес, выразила сожаление, что она не расспросила своего мужа о его детстве в России и почти ничего о нем не знает. Война застала Зандера в Австралии. Вступив в армию в самом начале войны, он участвовал в высадке в Галлиполи, успешно провоевав там весь 1915 год. Его боевой опыт был отмечен тем, что на западном фронте ему присвоили звание капрала.

Особенно кровопролитным был бой за Мокет Фарм 3 сентября, когда 13 бригада 4 дивизии (это был уже ее второй период на передовой) достигла фермы и вступила в ожесточенный бой в глубоких ходах под ней, но в конечном итоге вынуждена была отступить. Потери были огромными. Лишь в одном этом бою погибло пять россиян, среди них был Луис Пасвальский, еврейский юноша из Перта.

Большая семья Пасвальских (мне, к сожалению, пока не удалось установить с ними контакт) эмигрировала в Австралию из района Опочки – Лудзы (восточная граница Латвии) через Англию. Они поселились в Перте и стали здесь известны под фамилией Вальтерс. Эта семья дала Австралии трех анзаков. Луис, родившийся в 1897 году, был самым младшим. Ростом чуть выше 5 футов, с темными кудрявыми волосами, он, как вспоминали его сослуживцы, «был очень смышленным маленьким русским, которого мы прозвали Чарли Чаплин». Один из них сообщал на запрос об обстоятельствах его смерти: «Хьюз, Лил, Молтби и Пасвальский (известный как Чарли Чаплин) были убиты вместе на Мокет Фарм 3 сентября, когда они окапывались. Когда я сам оказался в укрытии, я спросил о Чарли Чаплине и узнал, что все четверо работали вместе, когда снаряд их разорвал». Другой добавлял: «Один из моих приятелей ... сказал мне, что Пасвальский (у которого кличка была Чарли Чаплин) отправился покататься на снаряде, я думаю, это значило, что его разорвало на части». Перед лицом смерти они не хотели показаться сентиментальными... В этом же бою был ранен Михаил Немировский из Томска, который служил с Пасвальским в одном подразделении.

После непродолжительного отдыха австралийские войска снова были снова брошены для прорыва на р. Сомме. Это было мрачное возвращение: под осенними дождями развороченная снарядами земля во многих местах превратилась в непроходимое болото, в окопах стояла вода. Войска косили не только пули, но и болезни. В этих боях был тяжело ранен молодой Альфред Гольдберг, парикмахер из польского городка Кутно. Хотя его семья жила в Мельбурне, он вступил в армию в Рокхемптоне, в Квинсленде, записавшись под именем Альфред Льюис. Ему едва исполнился 21 год. После ранения он был эвакуирован в Австралию и уже не вернулся на фронт. Судьба его старшего брата, Бенджамина, работавшего в Мельбурне портным, тоже сложилась трагично. Вступив в армию вскоре после Альфреда, он попал на западный фронт, через несколько недель заболел бронхитом, в госпитале обнаружилось, что у него развился туберкулез, и он был сразу же отправлен в Австралию. В 1930 году он умер.

Западный фронт, год 1917

В конце февраля немцы, в соответствии со своими стратегическими замыслами, начали отводить войска за хорошо укрепленную в их тылу линию Гинденбурга на 30 и более километров. Австралийские войска атаковали их и несли неизбежные потери. 2 марта наш знакомый, Бернард Лесни, был убит у Варленкурта. Его мать, жившая в Англии, писала: «После его смерти ко мне заходили его многочисленные приятели и говорили мне о его храбрости, они упоминали, что шли разговоры о награждении его Военной медалью, так как он один пострадал во время рейда на немецкие окопы и отдал свою жизнь, чтобы спасти товарищей». Его командир написал ей: «Ваш сын погиб смело, как солдат», подведя черту под размышлениями Лесни о том, принадлежал ли он все еще к еврейству или был уже частью новой общности анзаков. Героем проявил себя и Джордж (Герш) Брейтман, 19-летний юноша из Чечельника в Подольской губернии. Во время наступления на Лигни 2 марта он бросился на помощь своему командиру, вступившему в схватку с четырьмя немцами, и не только спас его жизнь, но и помог захватить нападавших. Он был награжден за храбрость Военной медалью.

Среди раненных в начале 1917 года были коммивояжер Артур Леви из Ковно (Каунаса) и моряки Джордж Коти из Киева и Давид Минор из Вильно – они успели пробыть на западном фронте совсем недолго. Коти еще вернется в окопы и будет снова тяжело ранен, а для Леви война на этом закончится. Минор тоже вернется в строй и будет убит год спустя. Двое юношей-коммивояжеров из Мельбурна – Вульф Жмуд (Zmood) и Петр Комисаров тоже были ранены в начале 1917 года. Они эмигрировали в Австралию за несколько лет до войны с большой группой родственников из еврейских земледельческих колоний Графское и Андреевка под Бердянском. Сбежав из дома, они вступили в армию в Кутамандре.

Тем временем командование союзников задумало прорвать неприступные укрепления линии Гинденбурга. В рамках этой операции австралийские войска дважды, с огромными потерями, проводили наступление у Буллекурта. Среди раненных во время первого наступления 11 апреля был повар Жюль Левинский из Виндавы (Вентспилса). Во втором наступлении, в начале мая, среди раненных были клерк Лео Гордон и торговец Джозеф Джозефсон из Литвы, корабельный маляр Бен Гоффин из Подолии и ювелир Франк Голдстин из Бердичева. Исидор Вальтерс, брат Луиса Пасвальского («Чарли Чаплина»), о котором я рассказывала в предыдущем очерке, был тяжело ранен в голову. Все они вернутся в строй и будут снова ранены.

Летом 1917 года австралийские войска участвовали в Мессинской операции. За исключительную храбрость и героизм во время июньских боев во Франции был отмечен наш знакомый – Юлиан Орлов/Вейнберг, бывший студент Московского университета и политэмигрант, который был уже ранен на Галлиполи, где он находился в составе Сионского корпуса погонщиков мулов. В июле он получил многочисленные тяжелые шрапнельные ранения с переломом левой ноги. Много месяцев проведет он в госпиталях и в конце 1917 года будет эвакуирован в Австралию. В июле получил первое ранение и шофер из Вильно Пол Финн, член методистской миссии в Ньюкасле.

В целом Мессинская операция была очень успешной и в сентябре 1917 г. союзники начали крупное наступление у Ипра, в Бельгии. И здесь снова судьбы

еврейских анзаков переплетаются с судьбами австралийцев. Накануне наступления Григорий Кунин (Кункин), плотник-морьяк из Воложина в Беларуси, был убит вместе с девятью другими солдатами на дозорном посту при прямом попадании бомбы. Его командир писал: «Я отправился к месту взрыва с тремя солдатами, и мы откопали тела Кунина, Кокса и Норткота, а также неузнаваемые останки других, которых разорвало на куски». Их похоронили всех вместе, поставив крест над братской могилой, хотя Кунин был евреем. Бен Гоффин, который вступил в армию и служил вместе с Куниным, на запрос Красного Креста писал: «Он был невысоким смуглым парнем, крепко сложенным, с темными вьющимися волосами. Он был моим закадычным другом». Уже будучи в армии он помогал своей сестре Лие, жившей в Мельбурне. В Воложине у Кунина осталась мать, которая просила австралийские власти: «Я хочу иметь что-нибудь на память о нем, потому что он сын мой».

Через день были ранены морьяк Франк Пайтон (о необычной судьбе этого человека я уже рассказывала, это было его второе ранение) и Иосиф Вургафт (Вурхафт) из Одессы. Иосиф принадлежал к группе обрусевших евреев и попал в Австралию с волной русских эмигрантов в 1912 году через Дальний Восток. В Австралии он работал садовником. В результате тяжелого ранения ему ампутировали руку в полевом госпитале и эвакуировали в Англию. Помимо ранений, он испытал тяжелое потрясение нервной системы. Прошел почти целый год, пока он поправился и смог вернуться к обычной жизни. Среди раненых в последующие дни мы встречаем героя Лигни Джорджа Брейтмана, тоже раненого в руку. Самуэль Борцель из Иркутска, тяжело контуженный в Галлиполи, в результате ранения под Ипром потерял ногу. Второе ранение под Ипром получил и Джозеф Джозефсон, едва оправившийся после Буллекурта.

Леопольд Барфилд из Радома в Польше отличился во время этих боев как связной. У него уже был военный опыт – совсем молодым он участвовал в русско-японской войне в стрелковом подразделении. Затем он оказался в Калифорнии и оттуда добрался до Австралии. Он обосновался в Ньюкасле, женился и работал корабельным агентом и переводчиком. На западном фронте он находился с 1917 года и несколько раз попадал в госпиталь в результате нервного истощения. Уже в самом конце Ипрской кампании он был тяжело ранен в ногу. Абрам Сильверман, его земляк, портной, умер от ранений 9 октября. Первое ранение он получил еще год назад, в боях за Позьер. Его сослуживцы рассказывали по запросу Красного Креста: «он был хороший парень и все приятели его очень любили». Эрнест Эссерман из Горани (вероятно в Беларуси), сиднейский букмекер, служивший в артиллерийском подразделении, после ранения под Ипром был эвакуирован в Австралию.

Несколько еврейских анзаков вернулись в Австралию получив тяжелые заболевания – 42-летний Натан Краусман, австралийский бушмен, заработал в окопах нефрит, Самуэль Бритэн (Бритин), закройщик из Вильно, после апрельских боев начал терять зрение. 45-летний Якоб Генсберг, сапожник из Риги, эмигрировавший в Австралию еще в 1894 году, после года на фронте был отправлен в Австралию по возрасту. Елиазар Марголин, командовавший подразделением 16 батальона, летом 1917 года возглавил 14 батальон, но в сентябре он попал в госпиталь с травмой коленной чашечки (в некоторых публикациях, на основе неверной информации Жаботинского, ошибочно указывается, что он был здесь ранен). Из лондонского госпиталя он, как уже указывалось, отправился воевать в Палестину с Британским еврейским полком.

Западный фронт, год 1918

Зиму 1917/18 г. австралийские войска провели на более спокойном участке фронта – около Мессины и во Фландрии. Но и здесь были потери. В январе ножевые

ранения (вероятно во время вылазки во вражеские окопы) получил Харри Купер, коммивояжер из Ковно, семья которого жила в Южной Африке. Самуэль Ваксман из Варшавы, работавший у Сиднея Майера, в марте 1918 г. был отравлен при газовой атаке под Плогестертом. Хотя он и выжил, легкие у него навсегда остались поражены и он умер в 1942 г. от туберкулеза.

Тем временем, в результате Октябрьской революции и выхода России из войны, немцы смогли передислоцировать значительные силы на западный фронт и 21 марта начали крупное наступление в районе Аррас и Сент-Квентин. Они прорвали оборону Британской армии, расположенной в этом секторе, и заняли территории, где шли кровопролитные бои в 1916 и 1917 гг. Австралийские войска во время этого кризиса сражались бок о бок с англичанами на различных участках фронта. Джордж Коти, Пол Финн и Вульф Жмуд были ранены здесь во второй раз. Альберт Кранц, прошедший Галлиполи, был ранен в руку, Абрам Боусон, торговец из Польши, был тяжело контужен. Получил ранение в руку здесь и Моррис Саффар, инженер-механик с Волыни. Службу в армии он начал в специальном подразделении велосипедистов, но ко времени апрельских боев был уже переведен в пехотный батальон.

На протяжении мая-июля 1918 г. австралийские дивизии оставались в районе Амьена. Анзаки прославились в это время своими смелыми нападениями на передовые позиции противника, шаг за шагом отвоевывая захваченные немцами рубежи. Среди павших во время майских боев были моряк Давид Минор и Морис Лебович, который, будучи санитаром, погиб, вынося раненых с поля боя. Лебович родился в Майкопе, под Одессой, и приехал в Австралию с семьей в 4-летнем возрасте. Его семья жила в Перте, где он освоил профессию седельщика. Как только ему исполнился 21 год, он вступил в армию. Ювелир Франк Голдстин был ранен в голову во второй раз и потерял правый глаз. Франк Пайтон был ранен в третий раз. Самуэль Раппепорт из Никополя, работавший в Перте продавцом, был отравлен газом. В июньских боях второе ранение получил Химан Бухнер.

Давид Минор

4 июля австралийские части атаковали Амель при поддержке нового вооружения – танков. Это была первая операция под руководством генерал-лейтенанта Джона Монаша, назначенного командующим Австралийским корпусом. Он происходил из еврейской семьи, эмигрировавшей в Австралию из немецкой части Польши. В этом бою Самуэль Кранц из Одессы, который прежде работал в гостинице в Перте, показал, согласно отзыву его командира, образец «смелости и инициативы». Во время атаки на Амель продвижению австралийских войск «препятствовал пулеметный огонь противника, – писал командир. – Кранц ... атаковал пост, убил пулеметчиков и захватил орудие. Он не заботился о своей собственной безопасности, бросившись на не перестававший стрелять пулемет». За этот подвиг Кранц был награжден Военной медалью. 26 августа его назначили ланс-капралом, и в тот же день, при продвижении на Перонн, он получил тяжелое ранение в голову. Самуэль и Альберт Кранц, упомянутый выше, были родственники и приехали в Австралию вместе в 1905 году.

В августе союзники, несмотря на сопротивление противника, вели успешное наступление к северу и к югу от Соммы. И снова среди раненых мы встречаем знакомые имена – Джордж Коти и Паул Финн были ранены в третий раз, Бен Гоффин –

во второй. Луис Крук и Джордж Брейтман были отравлены газом, для них это тоже было второе ранение. Брейтман, хоть и вернулся в строй и прослужил до конца войны, умер от воспаления легких в апреле 1919 года, уже в Англии. Под Сюзанне, одновременно с Кранцем был ранен Моррис Прешнер, коммивояжер из Варшавы.

Теперь, согласно плану Монаша, большая часть сил была сосредоточена на северном берегу Соммы, готовясь атаковать район горы Сен-Квентин, к югу от которой находился Перонн. Ко второму сентября Перонн полностью был в руках союзников; наступление на противника продолжалось. В эти дни отличился Филипп Вальтерс (Пасвальский), племянник Луиса Пасвальского и Исидора Вальтерса. Прежде чем отправиться на фронт, Филипп Вальтерс прослужил полтора года в качестве инструктора в лагере для новобранцев под Пертом. На фронте он служил в чине сержанта. 3 сентября Вальтерс вместе с группой бомбометателей участвовал в атаке на окопы противника. Командующий офицер был убит и Вальтерс взял командование на себя. Поскольку их наступление сдерживал пулеметный огонь противника, Вальтерс с еще одним добровольцем решил подавить его. «Проявив большое мужество и смелость, – говорилось в официальном донесении командования, – он захватил позиции врага. Несмотря на непрекращающиеся атаки противника, его группа удерживала позиции, пока не подошло подкрепление».

В течение сентября австралийские войска захватили несколько линий обороны противника и вышли к знаменитой линии Гинденбурга. Особенно успешной была атака 18 сентября, когда 1 и 4 дивизии взяли в плен 4300 человек. В этом наступлении погиб Моисей Коттон, попавший в Австралию вместе с волной русских переселенцев с Дальнего Востока. Он был образцовым солдатом, успешно овладел пулеметом Льюиса, занимался в школе немецкого языка – возможно его готовили для работы среди войск противника. Незадолго до этого наступления он в последний раз съездил в отпуск в Лондон... Здесь же тяжело был ранен в третий раз Жюль Левинский, ему ампутировали правую ногу. В начале октября был ранен во второй раз Лео Гордон, тоже в ногу.

11 ноября 1918 г. Германия приняла требования союзников и война была окончена.

Анзак Гарри

Еврейские анзаки вписали славные страницы в историю австралийского боевого братства, но ноша, которая выпала им на плечи, была тяжелее, чем у их австралийских товарищей. Не у всех из них служба шла легко, и часто это была не только их вина. Вот в несколько таких историй и взглядимся.

Как иностранцы, как чужаки россияне в Австралийской армии всегда легко попадали под подозрение, но бурный 1917 год с отречением царя и захватом власти большевиками, за которыми последовал Брест-Литовский мирный договор России с Германией, сделал их положение особенно уязвимым. И здесь я хочу вновь вернуться к судьбе Хаима Самойловича Платкина, театрального импресарио, приехавшего в Австралию с труппой артистов накануне войны. Он развил кипучую деятельность в Австралии, организуя сбор пожертвований на военные цели и способствуя патриотической пропаганде. Он даже пытался организовать русско-австралийскую часть в составе Австралийской армии. После того, как этот план потерпел неудачу, Платкин решил вступить в армию сам и был направлен в школу унтер-офицеров в Дантруне (в будущей Канберре). Но, рассказывает он, «к тому времени новости о русской революции дошли до Австралии, и стало очевидным, что раньше или позже Россия выйдет из игры. Учащиеся школы унтер-офицеров стали из-за этого меня бойкотировать, и мне пришлось отказаться от учебы».

В составе подкреплений полевой артиллерии Платкин отправился на фронт рядовым, надеясь, что там он сможет работать в качестве переводчика (он знал восемь языков). «К сожалению, – продолжает он, – к тому времени, когда нас привезли в Англию, Россия заключила сепаратный мир. Мои сослуживцы сочли своим долгом вымещать свое недовольство на мне. Едва ли стоит писать о том, как со мной обращались... Они неизменно обзывали меня русским анархистом, русским шпионом и вообще держали под подозрением». Тот факт, что Платкин был интеллигентом, для которого главным оружием было слово, а не пулемет, подливало масла в огонь. Отзыв командира его батареи бил прямо в точку: «Он абсолютно бесполезен в качестве пулеметчика, будучи и неспособным, и ненадежным».

Хаим Платкин

забытым именем Хаим Самойлович Платкин. Теперь, доведенный до отчаяния, он вспомнил о своем последнем козыре – о своем еврействе: «Узнав о формировании Еврейского батальона и исповедуя иудейскую веру, я, естественно, очень хотел бы, чтобы меня перевели в это подразделение», – писал он своему командиру и просил, «чтобы ему дали возможность умереть достойной смертью среди его народа». Командир отнесся к его словам довольно саркастично, но, в конце концов, Платкина уволили из Австралийской армии, с тем, чтобы он вступил в Еврейский батальон.

...Этот рассказ ставит, как кажется, все точки над i. Перед нами – человек, обреченный быть вечным изгоем, отвергнутый анзаками, да и сам разочаровавшийся в Австралийской армии. Мне не удалось найти никаких сведений о его возвращении в Австралию после войны, и часто я думала, как же могла сложиться его жизнь дальше. Неожиданно в архивном досье обнаружилась следующая корреспонденция, появившаяся в одной из аделаидских газет в июне 1948 года:

«В арабском лагере для интернированных Баалбек (Сирия) находится «Анзак Гарри», раненный в Галлиполи во время службы в составе артиллерийского подразделения Австралийской армии. «Анзак Гарри», настоящее имя которого Гарри Платкин, родился в России и приехал в Австралию с цирком Виртса перед первой мировой войной. Насколько мне известно, он натурализовался перед вступлением в Австралийскую армию. Он был демобилизован в Египте, откуда он отправился в Бейрут (Сирия), где он открыл бар «Анзак Гарри» на набережной. Во время второй мировой войны он пожертвовал 10 тысяч фунтов в фонд Спитфайе. Его бар был

первым местом, куда заходили утолить жажду бойцы 7 Дивизии, сражавшейся в Сирии и захватившие Бейрут. Если диггер был на мели, то в «Анзаке Гарри» он всегда мог получить выпивку за счет хозяина... Гарри обвиняют в сионизме... Он на самом деле христианин и не интересуется сионизмом».

Корреспонденция заканчивалась призывом к австралийским ветеранам «обратиться к ливанским властям». Это было сделано незамедлительно, и вскоре офисы премьер-министра, министра иммиграции и министра иностранных дел, а также верховный австралийский комиссар в Лондоне оказались вовлеченными в историю нашего «анзака». Постепенно выяснилось, что он вступил в Австралийскую армию много позже героических боев в Галлиполи, что австралийские власти отказали ему в натурализации в 1917 году (и ему об этом было послано письмо и в Австралии, и позже, когда он поселился в Сирии после первой мировой войны), что он был «владельцем пресловутого питейного заведения, которое имело большой оборот среди британских войск во время последней войны до тех пор, пока британские военные власти не прикрыли его из-за нарушения правил торговли» и т.д.

Да, «Анзаком Гарри» и был наш Хаим Платкин... Но только ли о русском еврее без гражданства, выдававшем себя за героического анзака, эта история? Она и об австралийцах, отвергнувших его, о том, что этот человек, от одной мировой войны до другой, пытался, пусть хотя бы в своем воображении, возместить то, от чего они отлучили его. И он готов был даже бесплатно поить молодых солдат за право зваться «Анзаком Гарри». Из лагеря для интернированных его освободили в 1949 году; как сложилась его жизнь дальше – неизвестно.

«Я больше не буду воевать за британцев»

Исааку Беллу, часовщику из Красноярска, повезло еще меньше, чем Платкину. Будучи на Западном фронте во Франции, он тоже пытался перевестись в Еврейский батальон, жалуюсь: «Со мной всегда плохо обращались в моем батальоне. Они всегда обзывали меня евреем, а разве я виноват в том, что родился евреем... Я жаловался сержант-майору, а он только смеялся мне в лицо... Они всегда воровали у меня вещи при каждом удобном случае. Они просто доводили меня до сумасшествия. Я ношу австралийскую форму и со мной должны обращаться так же, как со всеми остальными». Его действительно довели до предела, ибо на протяжении 1918 года он самовольно покидал свою часть четыре раза, и каждый раз его ловили и возвращали обратно, дважды его уличали в самостреле, трижды он был судим военно-полевым судом. Было очевидно, что ни диггеры не признают его за «своего», ни он сам не станет настоящим бойцом, но каждый раз, вскоре после суда, срок наказания с него снимался, и его снова отправляли в траншеи. Военной машине не было дела до трагедии одного из своих винтиков.

Случай Иосифа Джозефсона позволяет взглянуть на отношение к россиянам под другим углом. Его тоже довели до дезертирства, но, в отличие от Платкина и Белла, он сражался на фронте в составе Первого батальона долгое время. Во время военно-полевого суда он заявил: «Младший командный состав несколько раз доверял мне очень важную работу, я был переводчиком в нашей бригаде, а также занимался разведкой». И действительно, офицер его бригады засвидетельствовал на суде, что «он отлично выполнял свою работу и отличался безукоризненным поведением». Джозефсон был ранен дважды, в Буллекурте и Пашенделе. «Когда меня ранили во второй раз, – показывал он на суде, – меня отправили в Англию, в это время русское правительство заключило мир [с Германией]. Солдаты в лагере, в Англии, издевались надо мной из-за того, что я русский». Вернувшись на фронт в свой Первый батальон, он подал заявление на увольнение из армии, но полковник, к которому он обращался,

«отнесся к нему без всякого сочувствия». В августе 1918 г. Джозефсон обратился к командиру своего взвода, лейтенанту В. Джонсону, и заявил ему, что «он не может больше идти на передовую, ... поскольку его страна объявила нейтралитет и ему, возможно, придется сражаться против своих собственных родственников». В заявлении суду Джозефсон добавил: «После моего заявления лейтенант Джонсон пригрозил мне, что он меня расстреляет, если я не пойду в окопы. Мои товарищи (“mates”) сказали мне, что это он берет меня на пушку. Когда полковник отказался представить мое заявление командиру бригады, я счел, что имею все основания не идти в окопы. Мои товарищи тоже советовали мне так поступить. И я покинул батальон». Джозефсона приговорили к 18 месяцам тюремного заключения с тяжелым трудом, но уже через несколько недель наказание было временно прекращено и Джозефсона вернули в Австралию с формулировкой «для увольнения (по другим причинам)». В истории Джозефсона очень любопытна разница в отношении к нему солдат в лагере в Англии, которые вместе с ним не воевали, и его боевых товарищей из батальона, которые поддерживали его в борьбе за увольнение после выхода России из войны.

«Мой товарищ...»

Для многих еврейских анзаков армейское товарищество стало первым шагом на пути их превращения в австралийцев. В реальной жизни эта «австралийскость», как и легенда анзаков, редко приходила облаченной в парадную одежду. Напротив, «австралийскость» – совместные попойки (а это был важный социальный институт в культуре и россиян, и австралийцев), игра в запретный «ту-ап» (нечто вроде русской «орлянки»), дерзость по отношению к младшему командному составу – часто отмечалась в их служебных досье как нарушение дисциплины. Эта пресловутая дерзость – интересный источник сведений об армейском товариществе. Например 20-летний Вильям Заводчиков, вероятно сибирский еврей, после службы в течение нескольких месяцев в квинслендском учебном батальоне, упустил заключенного

Норман Майер (слева) с друзьями

солдата, которого он должен был охранять. Будучи сам взят под арест за этот проступок, он сказал сержанту: «Вы посадили его [сбежавшего солдата] ни за что. Можете и меня посадить» Ничего подробного русский, а тем более еврей, в царской армии не посмел бы сказать начальству, но, вероятно, Заводчиков уже подпал под обаяние австралийского удалства. Племянник Сиднея Майера, Норман Майер, чье поведение, согласно его служебному досье, было образцовым, позднее предпочитал представлять в образе такого заправского «дигтера». В газетной статье рассказывалось о нем: «Для увольнительных у них были Париж и Лондон. Майер никогда не помнил точных дат. Часто он оставался там, пока не кончались деньги на его банковской книжке. Когда он, наконец, возвращался в часть, следовал неизбежный штраф». Даже отцы семейств с удовольствием принимали это бесшабашное армейское братство. Например Луис Бродский запомнился именно

таким его 10-летнему сыну Александру, который пишет в своих воспоминаниях: «Ему пообещали должность офицера, но назначили простым сержантом! Разочарованные Бродские не самые приятные люди, и отец показал себя. Вскоре в лагере в Сеймуре его понизили до капрала, потому что его понятия об увольнительных были отнюдь не ортодоксальными. Мы поехали навестить его в одно из воскресений, и мы с [братом] Изей, не подозревая, как солдаты ненавидят сливовый и яблочный джем, сложили

вместе наши сбережения для специального подарка отцу. Он радостно встретил нас на станции, но когда мы преподнесли ему джем и он прочитал наклейку, лицо его потемнело и он запустил банку ярдов на сто, не меньше. Затем он повел нас во фруктовый магазин, чтобы чем-нибудь угостить, поссорился с хозяином из-за цен и в знак протеста перевернул огромную тачку с фруктами! Слава Богу, подоспели другие солдаты и отбили отца у хозяина магазина, а то бы ему не поздоровилось».

Одиннадцатого ноября 1918 года война была окончена и еврейские анзаки стали покидать Европу вместе с Австралийской армией, но 12 среди них остались покоиться вдали от Австралии навечно – десять во Франции и Бельгии (Зандер, Котон, Кунин, Лебович, Лесни, Минор, Пасвальский, Робин, Сильверман, Харберт), один в Галлиполи (Левене) и один в Англии (Брейтман). (Еще один – Эттингер – погиб в Австралии еще до отправления в Европу). Они похоронены в отдельных или братских могилах, а имена тех, чьи тела не были обнаружены, выбиты на стенах военных мемориалов в Вилер-Бретонне и в Менин Гейт в Бельгии. Хотя не все из этих павших имеют родственников, которые ухаживали бы за могилами, о них заботится Комиссия военных могил стран Содружества. Имена павших еврейских анзаков Австралия увековечила и на панелях славы Австралийского военного мемориала в Канберре среди тысяч своих воинов. Если вам доведется побывать там, отыщите имя одного из наших анзаков и отметьте его красным маком – символом, которым австралийцы поминают павших. Номер соответствующей мемориальной панели (их сотни) можно найти на моем сайте, на странице каждого погибшего анзака (<http://russiananzacs.net>)

Часть 3. Жизнь

Возвращение

Те, кто пережил кровавую мясорубку войны, возвращались в Австралию. Впереди их ждала мирная жизнь.

Российские евреи, в отличие от иммигрантов других национальностей, почти сразу принимали Австралию как свою новую родину. В отличие от латышей, поляков и русских, им некуда было возвращаться, и лишь немногие среди них – Жюль Левинский, Хаим Платкин, Лион Харлап – остались после войны в Европе или в Палестине. Чувство принадлежности к боевому братству анзаков, сознание того, что теперь они заслужили право считаться сыновьями Австралии, страны, куда многие из них попали как беженцы-иммигранты, вселяло в них чувство гордости. Например, Пол Финн, которого власти отказались натурализовать перед вступлением в армию, после возвращения в Австралию снова подал документы на натурализацию. Когда начались обычные бюрократические задержки, он с негодованием написал чиновникам: «Я был ранен три раза, я проливал кровь и страдал за Австралию, и я все еще болен». И его незамедлительно натурализовали. Иосиф Вурхафт подал заявку на натурализацию в 1918 г., находясь в госпитале. Когда у него попросили предоставить свидетельство о рождении, он взорвался: «Я потерял все, когда меня ранили на фронте... Я добровольно

служил этой стране... Мне ампутировали руку, я все еще испытываю последствия шока нервной системы. Я не вижу никаких оснований для того, чтобы вы затягивали натурализацию и продолжали дергать меня». Так с всевластными чиновниками мало кто осмеливался разговаривать, но Иосифа тоже немедленно натурализовали. Юр Кивович, будучи демобилизован из армии после ранений, писал в 1918 году: «Я хочу натурализоваться, чтобы иметь возможность выполнять гражданские обязанности. Я с удивлением обнаружил, что не имею права голосовать на выборах, несмотря на то, что я воевал за короля и за эту страну».

Но не все было так просто. Иногда чиновники, рассматривающие заявления на натурализацию, были педантичны до нелепости. Бен Гоффин вступил в Австралийскую армию, едва сойдя с корабля, на котором он приехал в Австралию в качестве маляра. На западном фронте он был дважды тяжело ранен и один раз отравлен газом. В 1919 г. ему отказали в натурализации на том основании, что он не мог писать по-английски, а ведь всю войну армия с готовностью принимала в свои ряды неграмотных россиян, которые вместо подписи ставили крест. Лига ветеранов обратилась к властям в его защиту, но прошло еще два года прежде, чем его натурализовали, и то только тогда, когда полицейский убедился, что Гоффин научился писать.

Дети анзаков вспоминают о причастности их родителей к становлению австралийской нации как о чем-то очень заветном. Дочери Эрнеста Дрегера рассказывают о своих родителях (немце и еврейке из Латвии): «И Эрнест, и Сара очень гордились тем, что они австралийские граждане, и всегда в разговоре с нами подчеркивали, что мы – австралийцы». Они действительно заслужили это право. Эрнест вступил в Австралийскую армию, чтобы защитить эту новую землю, которая отныне была их единственным домом. А Сара принесла свою собственную жертву: оставшись в буше одна с тремя маленькими детьми, она начала учиться молитве христианскому Богу, чтобы потом «научить своих детей молиться за благополучное возвращение отца». И он, хоть и израненный, действительно вернулся к ним с Военной медалью на груди, и эти три года его армейской службы помогли им принять эту новую страну и ее народ как свои собственные. Они не просто ассимилировались, они стали австралийцами. Хотя Эрнест говорил на латышском, немецком, французском и английском, он настоял на том, чтобы все в семье говорили только по-английски.

Пионеры, бизнесмены и политики

Демобилизовавшихся анзаков часто ждали испытания мирной жизнью – безработица и экономический кризис. Некоторые из них так и остались вечными бродягами-свэгменами (свэг – котомка, заплечная скатка, в которой сезонный рабочий несет все свои пожитки). Генри Джордж Абрамович, бывший моряк, промышлявший в Австралии охотой на кроликов, во время первой мировой войны служил санитаром в военном госпитале Колфилд. В 1941 году, когда ему было уже 60 лет, он писал, что потерял свое свидетельство об увольнении «около 10 лет назад с другими бумагами, которые были в моем свэге. В то время я ходил по Виктории в поисках работы». Натан Краусман из Бессарабии, приехавший в Австралию еще в 1890 году, не перестал кочевать даже и после женитьбы. У Краусмана были жена и дочь в Сиднее, но его настоящим домом оставался буш. Полицейский инспектор писал: «Он старатель и лесоруб, и работал по всему Новому Южному Уэльсу, Виктории, Квинсленду и Тасмании, и он никогда нигде не задерживался на длительное время». Подав прошение на натурализацию в 1925 году, он не мог правильно заверить свою клятву на верность Британии, объясняя: «Я сейчас нахожусь во внутренних районах страны, охотясь на кроликов» – там, конечно, на сотни миль вокруг некому было заверить его клятву

надлежащим образом. Три года спустя, в 1928 году, он умер в Нингане, на северо-западе Нового Южного Уэльса, формально так и не став австралийским гражданином.

Еврейские анзаки были и среди австралийских пионеров, осваивавших землю в отдаленных районах или в солдатских поселениях. Наш знакомый Юлиан Орлов/Вейнберг, политэмигрант, после тяжелых ранений, полученных в Мессинской операции, провел много месяцев в госпиталях. Возвратившись в Австралию, он проработал 9 месяцев на опытной ферме, а затем взял участок земли в солдатском поселении Биламбил на севере Нового Южного Уэльса и занялся молочным скотоводством, сочетая, впрочем, жизнь провинциального фермера с литературной работой. К 1946 г. его состояние достигло 3 000 фунтов, а годовой доход составлял 600 фунтов (большие деньги по тем временам). Бен Гоффин покинул Мельбурн и отправился на другой край Австралии – в Олбани, где он получил землю в солдатском поселении. К сожалению, он рано умер в результате несчастного случая, оставив жену с маленькими сыновьями-близнецами.

Пионерами Западной Австралии стала и семья Эрнеста и Сары Дрегеров. Их дочь Бетти рассказывает, что на Западном фронте он был отравлен газом и доктора советовали ему поселиться в сухой, теплой части штата. Сначала они обосновались на восточном берегу Австралии, в Джералдтоне, но так как состояние Эрнеста не улучшалось, они решили двинуться в глубь страны, в самые сухие места. Они основали ферму на границе освоенной европейцами территории, километрах в 200 на юго-восток от Джералдтона, за Маллевой. Другая дочь, Элейн, продолжает рассказ об их жизни: «В 1925 году наша семья поселилась в Куланука. Эрнест много работал на расчистке земли, ему помогали двое старших сыновей. Расчистка велась с помощью топора, и дело двигалось медленно. Денег у нас было очень мало и иногда Эрнесту приходилось наниматься на расчистку к другим фермерам или работать на строительстве железной дороги. Основным строительным материалом для нашего дома служили доски, жесть от разрезанных канистр от бензина и марля. Пол многие годы был глинобитным и не имел никакого покрытия. Для приготовления еды и обогрева мы использовали большую дровяную печь. Эрнест делал все, что мог, чтобы создать для своей жены и семерых детей надежный и счастливый дом». Одно из первых воспоминаний Элейн было связано с их фермой: «Я помню ночь, когда крыша была покрыта только наполовину, я проснулась и увидела над собой звезды, и мне показалось, что они спустились прямо в наш дом, чтобы посмотреть на всех нас». Она продолжает: «Я помню, когда я росла, у нас всегда не хватало денег, но еды у нас было достаточно, и как приятно было сидеть всем вместе за обедом, а потом, при свете фонаря «молния», мы играли в карты или кто-нибудь из нас читал вслух газету или какой-нибудь роман».

Другой русский анзак, Джек Канаев, тоже женился на еврейке – в русском клубе в Сиднее он познакомился с очаровательной Цилей Лаковской из Одессы, два ее брата тоже были еврейскими анзаками. Освоив специальность электрика, в 1922 г. он проводил электричество в Канберре, а в 1923 г. уехал электрифицировать Фиджи.

Несколько человек преуспели в бизнесе. Петр Комисаров из Мельбурна торговал оптическими приборами. Давид Лаковский (Лейк), брат Цили, вступил в армию в 19 лет в подразделение дальнобойной артиллерии. Согласно его племяннице, «после войны он уехал в Америку, заинтересовался кинематографом и сыграл большую роль в деятельности студии “Метро-Голдвин-Майер” в Австралии. В годы депрессии, благодаря его помощи, вся наша семья выжила». Норман Майер вошел в компанию «Майер Эмпориум», которую основали его дяди Сидней и Элкон Майеры. Он начал с должности простого продавца и позже, в интервью 1948 г., рассказывал, что работать под начальством Сиднея Майера было совсем не просто. Но в начале 1950-х годов Норман мог с гордостью сказать: «Я являюсь председателем и управляющим “Майер Эмпориум”, предоставляя работу 10 тысячам человек. В сфере розничной торговли это

самое крупное предприятие в Британской империи». Широко известно, что Майеры помогали своим землякам – и русским, и евреям, среди них было и несколько анзаков. В 1930-х годах у них работал Михаил Немировский, а Самуил Ваксман, польский еврей, обратился к Сиднею Майеру за помощью еще перед войной и получил работу. Его сын вспоминает: «Они говорили друг с другом на идиш, в то время Сидней Майер был вполне доступным человеком». После войны Ваксман открыл магазин модной одежды на Рэндел-Стрит в Аделаиде.

Лион Харлап, оставшийся в Палестине, открыл велосипедный магазин в Яффе. Вольф Дорфман, бежавший во время войны из немецкого плена и снова пойманный, после войны занимался в Китае торговлей. Михаил Клячко, хирург-пластик, преуспел в своей области в Шанхае.

Некоторые из анзаков не могли отказаться от демократических, антимонархических идеалов своей юности. Петр Комисаров с интересом следил за развитием СССР. «Он не был коммунистом, но был социалистом, – рассказывает дочь Комисарова. – Я думаю, Сталин в конце концов его вылечил». В полицейском отчете о нем говорилось, что его прогрессивные политические взгляды не противоречат идеалам австралийского общества, и подчеркивалось, что он «не является членом коммунистической партии». Комисаров активно работал на благо еврейских организаций в Австралии и был активным членом лейбористской партии.

Интерес к социальным переменам на родине привел Луиса Бродского, приверженца идей социальной справедливости, в Советский Союз. Будучи секретарем австралийско-русского торгового комитета, он в 1924 г. отправился туда через Лондон. Здесь он был задержан Скотланд-Ярдом, но через несколько месяцев все-таки добрался до своей родины. О своих приключениях он не рассказывал, известно лишь, что там все его документы были конфискованы. В конце концов ему удалось вернуться в Австралию. Несмотря на эти испытания, до самой смерти в его сердце осталась мечта – когда-нибудь вернуться на родину со своей семьей.

Но даже у тех анзаков, которых трудно было заподозрить в радикализме, отношения с организациями ветеранов не всегда складывались благополучно. Альфред Маркович – жертва нелепых подозрений в шпионаже на Галлиполи – после депортации в Австралию стал секретарем Политической федерации ветеранов и граждан и редактором ее издания «Лидер». В 1919 году он осмелился критиковать Акт о репатриации, который, по его отзыву, «представлял интересы всех, кроме самих ветеранов», и администрацию министерства репатриации. «Когда министерство репатриации не в состоянии обеспечить ветерана подходящей работой, они помечают его досье “ОПРО” (от предоставленной работы отказался), – писал он, – и это значит, что этот человек не получит больше от министерства ни гроша, и справедливость тут никого не волнует». Маркович боролся не за себя самого, а за права всех фронтовиков, вне зависимости от их национальности. Критиковал он и тот факт, что большая часть пожертвований для ветеранов шла на зарплаты и вознаграждения боссов из Лиги ветеранов. И тут его высокопоставленные критики снова вытащили на свет вопрос о причинах его отчисления из армии на Галлиполи и его национальности. Но Маркович за словом в карман не лез: «Почему вы цепляетесь к моей национальности? Вы не спрашивали меня о национальности, когда вы приняли меня в Лигу ветеранов и взяли мои десять шиллингов... [В отличие от чиновников], я никогда не получал 10 фунтов в неделю за свою работу на благо ветеранов. Я всегда работал на общественных началах». Эта полемика, выплеснувшаяся на страницы брисбенских газет, когда россиянин защищал права всех фронтовиков перед лицом австралийских бюрократов, помогала бороться с устоявшимися стереотипами в общественном сознании, ведь происходило это все в то самое время, когда после бунтов красного флага в марте 1919

года на всех «русских» смотрели как на большевиков. Маркович в конце концов вынужден был сменить фамилию на Марр. В 1935 году он покончил с собой.

Вторая мировая война

Вторая мировая война вызвала всплеск патриотизма у многих российских анзаков, которые уже чувствовали себя австралийцами. Генри Абрамович, который все еще ходил по дорогам Австралии со свегом за плечами в поисках сезонной работы, в заявлении о приеме в армию писал: «Я принял присягу на верность Королю и Отечеству, когда они нуждались во мне, и моя присяга все еще остается в силе. Британцы защищают свою священную свободу. Я один из них. Я жил с ними 37 лет и это мой народ». Луис Бродский, несмотря на то, что во время первой мировой войны он дезертировал из армии, теперь, в июле 1940 г., писал: «Хотя мне 58 лет, я готов защищать страну в любом качестве». В Австралийской армии во время второй мировой войны служили 19 еврейских анзаков, участвовавших в первой мировой войне – Джеймс Амстед, Леопольд Барфилд, Абрам Боусон, Химан Бухнер, Исаак Хаин, Эрнст Эссерман, Пол Финн, Вольф Гринштейн, Самуил Гунзбург, Вольф Хофман, Гарри Исаакс, Аарон Лемиш, Макс Перлман, Самуил Рапепорт, Морис Сафар, Макс Тортсан, Филипп Вальтерс, Исидор Вальтерс, Юлиан Вейнберг/Орлов. Конечно, возраст не позволил им попасть на передовую и большинство из них служили в гарнизонных батальонах и в добровольном корпусе обороны – они оказались особенно нужны, когда Австралии угрожало вторжение Японии.

Но один из них – Вольф Гринштейн, – все-таки сумел попасть в самое пекло. Он родился в 1899 г. в Одессе и вскоре выехал с родителями в Англию, а в 1913 г. они приехали в Сидней. Любопытно, что его семья сохранила память о своем русском прошлом, назвав свой дом в Кантенбури под Сиднеем «Одесса». В Австралии Вольф получил профессию печатника, но в июне 1918 г., едва достигнув 18 лет, он вступил в армию и почти сразу же был отправлен с очередными подкреплениями в Европу. Корабль подошел к берегам Англии на третий день после перемирия. Когда началась вторая мировая война, он вступил в армию, немного уменьшив свой возраст, и был отправлен с австралийскими войсками в Грецию, на остров Крит. Здесь он попал в плен, из которого был освобожден только в 1943 году, и в конце концов возвратился в Австралию к своей семье.

Вольф Гринштейн в первой и во второй мировой войне

В армии служили и дети еврейских анзаков. Так, два сына Луиса Бродского служили в военно-воздушных силах. Семья Дрегеров, о которой мы говорили, дала трех военнослужащих – сам Эрнест служил в корпусе обороны и умер от воспаления легких во время службы, его старший сын Чарльз оказался в 11-ом батальоне (в том самом, с которым его отец отправился на западный фронт в 1916 г.), а младший, Рудольф, был в военно-воздушных силах. Отцы, впрочем, хорошо помнили, что такое война и часто не разделяли энтузиазм молодого поколения. «Когда я хотел пойти на войну, – вспоминает Самуил Ваксман, – отец назвал меня дураком и запретил мне вступать в армию. Я смог вступить в военно-воздушные силы только после его смерти».

Надо сказать, что общее число еврейских анзаков, родившихся на территории Российской империи, и участвовавших во второй мировой войне, составляло несколько сот человек, но эта тема еще ждет своего исследователя.

Война затронула всех еврейских анзаков, и они ответили на нее по-разному. Миллионер Норман Майер играл важную роль в переводе экономики страны на военные рельсы. Популярность ему также принес открытый им клуб «Бункер» в Мельбурне, где военнослужащие проводили время во время увольнений. Большую роль он сыграл и в приходе к власти либералов, осуществленном при его финансовой поддержке на волне военной пропаганды.

А вот у Франка Пэйтона были другие проблемы. Я уже упоминала, что в 13 лет он убежал из дома, и стал моряком, и был ранен на западном фронте четыре раза, сражаясь в Австралийской армии. После войны он работал в Западной Австралии докером, китобоем, рудоискателем. Вторая мировая война застала его в Дарвине, откуда он был эвакуирован в Южную Австралию. Здесь-то полиция и заставила его зарегистрироваться как иностранца. С негодованием он писал властям: «Я никогда не испытывал такого унижения как здесь, после того, как выяснилось, что я не являюсь британским подданным, и я хочу быть натурализованным как можно скорее».

«Это включает меня?» История Петра Комисарова

Подозрительное отношение к уроженцам других стран, в том числе и к тем, кто давно уже считал Австралию своим домом, испытали на себе и выходцы из России. Петр Комисаров был одним из немногих, кто смел говорить "Нет" этому массовому психозу. На собрании, проведенном в августе 1943 г. отделением Лиги ветеранов района Карлтон-Фицрой в Мельбурне, была выдвинута резолюция «относительно лиц иностранного происхождения, принявших британское подданство, запрещающая им продавать какие-либо товары в данном районе». «Так называемые натурализованные иностранцы по существу ведь все еще являются иностранцами», доказывал президент Лиги. Комисаров, активный член Лиги соседнего района, присутствовавший на этом собрании, задал вопрос: «Ваше предложение включает меня?» «Конечно, мы не хотели бы, чтобы эти ограничения касались Вас», был ответ. «Меня не интересует, хотели вы или не хотели, – возразил Комисаров. – Я – натурализованный британский подданный, родился в России, служил в австралийской армии во время первой мировой войны более четырех лет, был ранен и остался инвалидом на всю жизнь. Ваша резолюция говорит, что вы не хотите, чтобы так называемые натурализованные иностранцы занимались здесь бизнесом. Это включает меня?» «Это действительно включает Вас, но Вы знаете, правительство, возможно, и не утвердит нашу резолюцию». Собравшиеся быстро проголосовали за резолюцию, после чего Комисаров снова встал. «Речь идет не обо мне, речь идет о вас», сказал он. Он прошел по проходу к столу президиума и, сорвав с пиджака значок Лиги ветеранов, бросил его на стол председателя. «Я

отказываюсь принадлежать к организации, которой управляют фашисты, – заявил он, – и поэтому я выхожу из рядов Лиги ветеранов». Австралийский совет гражданских свобод, напечатав отчет об этом инциденте, предупреждал австралийцев, что «первые признаки фашизма обычно представляют собой попытку отменить те принципы правопорядка, на которых зиждется демократия».

Петр Комисаров, рассказывает его дочь, «никогда больше не вернулся в Лигу, он отрезал навсегда». Для него не имело значения, что злополучная резолюция не была поддержана центральным отделением Лиги и правительством. Тем не менее Комисаров продолжал активно участвовать в общественной жизни, заслужив репутацию человека, умевшего осуществлять свои идеи. Он много сделал для помощи евреям, бежавшим из гитлеровской Германии. В то время как австралийское общество не особенно интересовалось их судьбой, Комисаров «каждый день тратил несколько часов, обходя одного человека за другим, убеждая их стать гарантами въезда в Австралию той или иной еврейской семьи, спасающейся от нацизма». Во время второй мировой войны он входил в различные организации, занятые сбором средств на борьбу с фашизмом, в частности он участвовал в кампании «Овчины для России» и во многих других организациях. После войны он работал в комитете «Помощь Израилю». Друзья Комисарова шутили, что он сам был своего рода организацией.

В поисках своей души

Послевоенные годы стали периодом дальнейшей интеграции еврейских анзаков в австралийское общество. Их дети росли уже настоящими австралийцами, и русскому прошлому их отцов не было места в этой новой жизни. Но все же это прошлое иногда напоминало о себе. Для Давида Ваксмана, сына анзака Самуила Ваксмана, это было знакомство со своими дедушкой и бабушкой, которых отец смог вывезти из Польши в 1930-е годы. «Они не знали английского и жили в Карлтоне, где тогда жило много евреев. Они были настоящими традиционными польскими евреями, и это было так странно для такого австралийского мальчика, как я... Отец должен был бы больше рассказывать мне о себе, о Польше, но он был не таким человеком. У нас с ним отношения не складывались. Я был другим, я вырос в Австралии, я учился в частном колледже». Давид любил отца, несмотря на пропасть между ними. Когда он рассказывал мне о его смерти от туберкулеза, развившегося после отравления газом на западном фронте, голос его дрогнул...

Памела Варрендер, дочь Нормана Майера, узнала о том, что ее отец родился в России, только когда ей исполнилось 20 лет, и пришла пора получать паспорт. Род Майер, ее племянник, внук Нормана, рассказывает о том же: «Разорвав все свои связи с еврейством, мой дед настолько скрыл свое прошлое, что его старшие дети даже не знали, где он родился... Когда он умер, наша семья с удивлением обнаружила, что в Израиле все еще живет его мать».

Почему отцы не рассказывали им о своем прошлом? Конечно, к этому не располагало время, когда слово «русский» вызывало подозрения и ассоциировалось со словом «большевик». Австралийцам часто не приходило в голову, что эти «русские» были совсем не русскими, а латышами или евреями, покинувшими свою родину из-за национального гнета. Часто отцы не хотели, чтобы дети повторяли их опыт, оказавшись между двух, а то и трех миров – русским (или польским), традиционным еврейским и новым австралийским.

Они с готовностью ассимилировались. Но что такое ассимиляция? Можно ли сказать, что ты ассимилировался, если ты внешне не отличаешься от окружающих и вырос вне связи с языком, религией и историей своих предков? Казалось бы – да. Да,

если бы не наша непредсказуемая душа. Она живет по своим законам, и семя, дремавшее в ней годами, может дать неожиданные всходы.

Это произошло в семье Майеров. Когда я познакомилась с Памелой Варрендер, дочерью Нормана, посетив ее в Тураке, один из первых ее вопросов был: «Объясните мне, что такое русская душа? В молодости один журналист сказал мне, что у меня русская душа, и я все время думаю об этом». «А разве Вы не чувствуете себя австралийкой?» «Нет, да и мои дети все еще ищут себя». В 1989 г. Памела побывала в Петербурге по приглашению мэра Собчака и теперь готовит к изданию свои дневники, которые расскажут о ее путешествии в прошлое. Род Майер совершил путь в другом направлении, о котором он рассказывает в очерке «В поисках моей еврейской души»: «Все эти разговоры о поисках своих корней всегда казались мне чем-то искусственным, попыткой оправдать уход от реальной жизни в мир каких-то надуманных эмоций». Но после поездки на родину его предков с ним произошла необъяснимая перемена. «Однажды ночью я проснулся и сказал себе “Я – еврей”. Это было не столько религиозное чувство, сколько обретение себя и своего места в этом мире». Такие путешествия идут наперекор представлениям западного общества об ассимиляции. Да и можно ли ассимилировать нашу непокорную душу? И нужно ли?

Жизнь и личность Луиса Бродского оказали влияние на его внучку Вивьен, историка. Когда она узнала о моих архивных находках, связанных с ее отцом, она написала: «Я посмотрела теперь новыми глазами на свою диссертацию "Марксизм и национализм в русском революционном движении", написанную в 1969 г. Отказ Луиса от иудаизма, отрицательное отношение к властям, радикализм – все это передалось и нам, но я тогда этого еще не понимала».

Закончим мы наше знакомство с еврейскими анзаками историей Елиазара (Лазаря) Марголина, которого мы оставили в качестве командующего подразделением британской армии в Палестине. Австралийский журнал писал: «Его сердце принадлежало Западной Австралии, и сюда он вернулся, здесь он делал деньги в моторном бизнесе, став одним из столпов местных организаций ветеранов. Отзывчивый на чужую беду и щедрый до безрассудства, “Марджи” всем был нужен. Он являлся вице-президентом отделения Лиги ветеранов Западной Австралии, одним из основателей Пертского Клуба фронтовиков и президентом Ассоциации 16-го батальона (которым он командовал на фронте)». Он, казалось бы, тоже являет собой пример блестящей ассимиляции. Хотя он отошел от религии, он завещал похоронить свой прах в земле Израиля. Когда его вдова-австралийка в 1949 г. отвезла его прах на землю Израиля, ее встретил почетный караул, который сопровождал ее от Хайфы через Тель-Авив, Сарафанд до Реховота, где Марголин был похоронен рядом с родителями. Среди пришедших проститься с ним был Давид Бен Гурион, премьер-министр Израиля, который сражался когда-то в еврейском батальоне под командованием “Марджи”.

Елена Говор, Еврейские анзаки. – Возрождение, Sydney, 2005, № 30, с. 23-29; 2006, № 31, с. 37-42; № 32, с. 37-43; № 33, с. 48-55; № 34, с. 54-61.